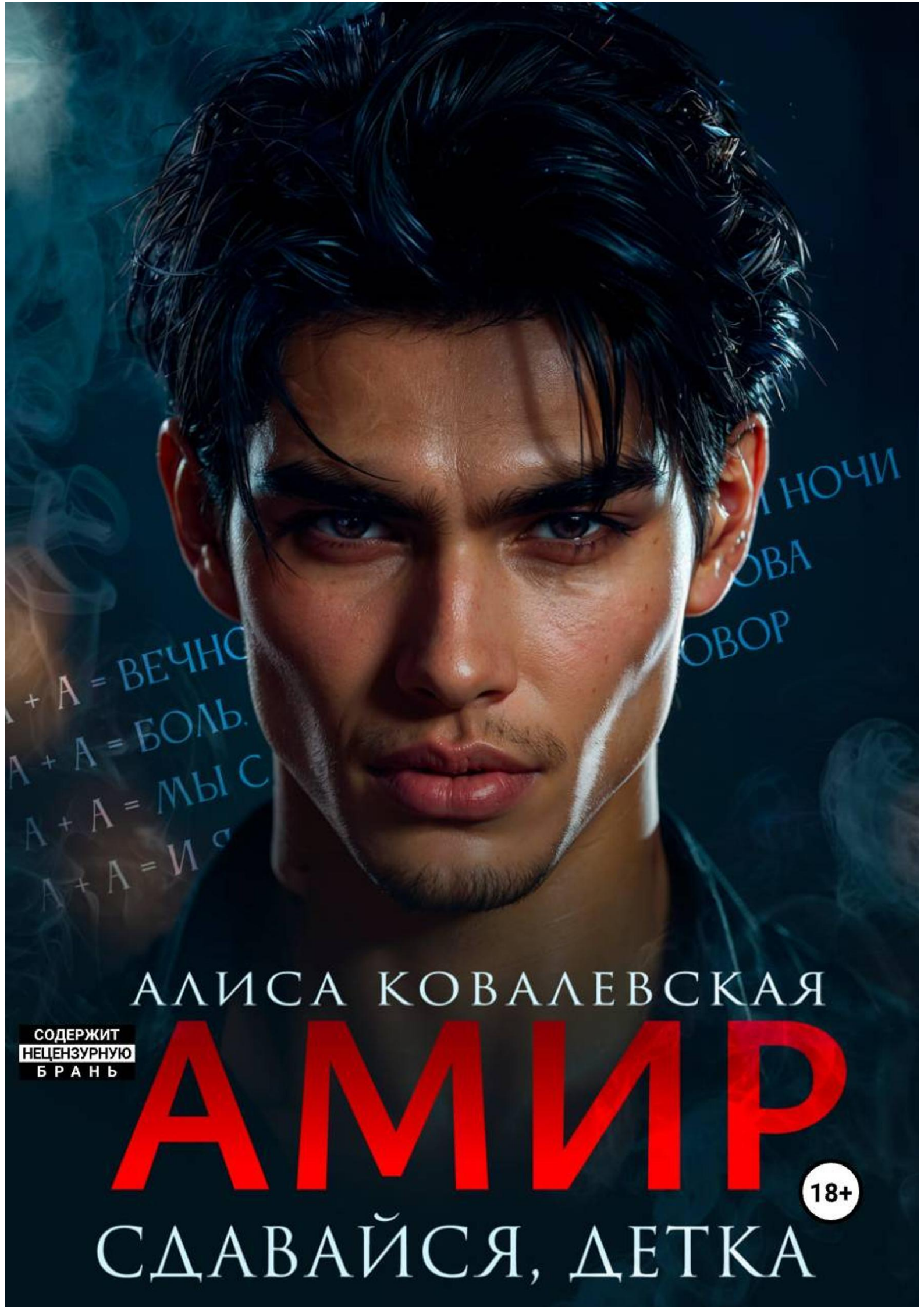

АЛИСА КОВАЛЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АМИР

18+

СДАВАЙСЯ, ДЕТКА

Алиса Ковалевская

Амир. Сдавайся, детка

«Автор»

2026

Ковалевская А.

Амир. Сдавайся, детка / А. Ковалевская — «Автор», 2026

А + А 2. Когда два сломанных человека встречаются, математика ломается. Вместо «двух» получается огонь. Грех. Приговор. И к старой жизни возврата уже нет. Он — 25-летний наследник и музыкант. Она — женщина, запертая в токсичном браке с двумя детьми. Запретная любовь. Жёсткий абьюз. Музыка. Боль. И цена свободы, которую приходится платить до конца.

© Ковалевская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	60
Глава 12	65
Глава 13	70
Глава 14	75
Г	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алиса Ковалевская

Амир. Сдавайся, детка

Глава 1

Амир

В этом клубе даже грех выглядел скучно. Две девчонки в клетках старательно извивались под тяжёлый бит, но я ловил себя на мысли, что смотрю на них скорее по привычке, чем с желанием. Но интереснее всё равно ничего не было, и я периодически посматривал в их сторону. Волосы у светленькой длиннее, но тёмненькая откровенно горячая.

Я глотнул виски, откинувшись на спинку дивана.

— Как тебе она?

Димон оценивающе глянул на клетку, но лицо его осталось безразличным.

— Вот и мне так же, — ответил я самому себе, лениво наблюдая за девушкой.

— За твоё возвращение, — отсалютовал вискарём Ник. — Больше, надеюсь, не свалишь?

— Не свалю, — я взял пачку и чиркнул зажигалкой.

— Ты в России, приятель, — Ник отобрал у меня зажигалку раньше, чем я успел подкурить. — Здесь с этим строго.

— Ты серьёзно? — усмехнувшись, я вернул своё и чиркнул снова.

Толпа вдруг расступилась, и из неё выскочила Соня.

Проклятье!

Взбешённая, будто озверина нажралась, она подлетела ко мне. Я было привстал.

— Козёл! — рожу обожгло. Её глаза сверкнули. — Мы договорились, Амир! Забыл?!

— Или забил, — хмыкнул Димка, с интересом глядя на представление.

— Мы с тобой должны были встретиться ещё в девять, Амир! А сейчас час! Час!!! Это нормально?! Я как дура сидела в этом дурацком ресторане и ждала тебя! А ты...

— А я козёл, ты уже сказала, — я потёр щеку. Удар у неё так себе, но всё равно неприятно. — Дальше что?

Она тряхнула головой от негодования.

— Ты самовлюблённый эгоист! Мне жалко, что я на тебя время потратила! Ты никого любить не способен! Что такое ответственность тебе вообще неизвестно! Если бы не твой отец, ты бы шагу ступить не смог!

— Так, стоп-стоп, — я встал.

Соня толкнула меня тощими руками в грудь.

— Между нами всё закончено! Всё! Достал меня! Я большего достойна! Мне нужен мужчина, который меня уважает и ценит, а ты... Катись к чёрту!

Она крутанулась на каблуках, напоследок наградив всех нас вместе, каждого по отдельности и в особенности меня взглядом, от которого должна была появиться дырка в башке. Стук её каблуков, когда она уходила, был слышен даже сквозь биты. Платье мелькнуло и исчезло. Кто-то из пацанов присвистнул, Ванька похлопал меня по плечу.

— Держись, братан. Перебесится и...

— Иди к дьяволу, — я раздражённо сбросил его руку.

Выцепил взглядом официантку и показал на торчащую посреди стола пустую бутылку. Упоминание отца разрушило вайп. На Соньку плевать. Я посмотрел на крутящую задницей в клетке брюнетку и всё-таки закурил, забросив руку на спинку дивана.

— Ты реально про неё забыл? — спросил сидевший напротив Димон.

— Нет. У меня изменились планы.

— Он реально забил, — вставил Ник. - Ты нашего Амира не знаешь?

Официантка подлетела, улыбаясь во всю ширь. Её юбка не прикрывала острые колени, в вырезе рубашки мелькал чёрный лифчик. И эта не хуже Сони. Но...

Официантка ещё раз улыбнулась, стрельнула глазками из-под ресниц и встала так, чтобы я мог лучше её рассмотреть. Специально, разумеется.

— Что планируешь делать? — разливая вискарь, спросил Илья. — К отцу пойдёшь?

— Нет, — я швырнул сигареты на стол. — У меня другие планы.

Парни ждали продолжения. Я обмозговывал, как преподнести им идею, но отвлёкся на девушку, пробирающуюся к бару. Невысокая, с отличными формами. Её комбинезон с глубоким V-образным вырезом отлично подчёркивал фигуру, длинные тёмные волосы были забраны в хвост, и я живо представил, как они будут смотреться на моих простынях. Никита присвистнул.

— Симпатичная малышка.

— Ничего такая, — поддержал Ван. — Познакомиться бы. Мне нравится. Амир, давай её сюда?

— А я-то что? — я потягивал виски, наблюдая за брюнеткой. Извиниться перед Сонькой? Оно мне надо? *Время она на меня тратила?*

Димон пихнул меня локтем и показал на девчонку.

- Пригласи её к нам. — И выдру, которая с ней.

Внимание медленно перетекло на подружку малышки — невразумительное создание с пучком по типу «училка». Контраст тот ещё.

— Ты - король. Тебе она не откажет.

Я хмыкнул. Залпом допил виски, стукнул по столу стаканом и встал.

— Не откажет. А «училку» куда денем?

— Решим по ходу. В таких, как в омуте — черти водятся. Была у меня на первом курсе...

Не дослушав Илюху, я двинулся к бару. Малышка как раз взяла два высоких стакана с трубочками, а её малохольная подруга что-то говорила, оживлённо жестикулируя. Я видел, как шевелятся её губы, и взгляд на секунду задержался на них.

- Возьми, Аль, - разобрал я голос малышки и переключился на неё.

Лицо сердечком, губы бантиком. Да, такие губки нужно пускать в дело.

Я подошёл вплотную, и «училка» захлопнула рот. Её глаза округлились.

— Тебе чего, мальчик? — раздражённо бросила малышка.

— Да вот... — я осмотрел её подругу. — Думаю, что твоя подружка дверью ошиблась.

Литературное кафе рядом.

— Какое ещё литературное кафе? — прошипела брюнетка.

— С книжками. Такими... В толстых кожаных переплётах. Читаешь под чай с ромашкой и думаешь о смысле бытия.

«Училка» дёрнула её за руку, поглядывая на меня с опаской и сомнением. Не бойся, детка, рогов и хвоста нет.

— Стась, давай уйдём?

Стася, значит.

— Никуда мы не уйдём, — она полоснула меня взглядом. Глаза у неё были тёмные, скулы чёткие. — Послушай, ты...

— Стась, — подружка опять дёрнула её. — Мне тут не нравится. И...

— Молчи, Аля, — оборвала она и посмотрела, как ведьма. — Тебе что надо? — Заметила парней. — Твоя шайка? Вали, откуда пришёл.

- Я – Амир. Представишь свою подругу?

- Мне плевать, кто ты.

— Ну что ты? — Одёрнула её подруга и осмелилась-таки посмотреть на меня. - — Молодой человек, - её голос звучал неуверенно. — Мы не хотим знакомиться. Пожалуйста, оставьте нас в покое. Найдите себе другую компанию на вечер.

Она серьёзно?!

Я окинул её взглядом с головы до ног. Её щёки вспыхнули, но взгляд она не отвела.

— Вы однозначно ошиблись дверью.

— Ничем мы не ошиблись, — отрезала брюнетка и, схватив «училку» за руку, потащила в толпу.

Не особенно и хотелось. «Училка» в какой-то момент выдернула руку, но от подруги не отошла. Та сунула ей коктейль и что-то гневно высказала. Я вернулся за столик.

— Провал? — поддел Илюха. — Неужели послала?

— Малышка не в настроении. Слушайте, парни... Если кому надо — вперёд. Я пас. Если что, зовут Стася.

— Сонька? — понимающе спросил Димон.

— Не Соня, — я достал из сумки четыре демки и бросил на стол.

Они разлетелись, одна зависла на краю рядом с Ником. Илюха отмер первым и, взяв один демо-диск, покрутил в руках. Посмотрел с вопросом.

— Порно для домашнего прослушивания? — сказал я, садясь.

— Что за хренотень, Амир? — Ник тоже повертел диск в руках.

— Мне нужно мнение каждого из вас. Послушаете — перетрём. Без вопросов.

Ван поднял руки ладонями вверх, взял демку и убрал. Илюха вслух не спросил, хоть в глазах было ожидание. Я сделал глоток. Виски показался горьким. Малышки в комбезе видно не было, её долбанутой подруги тоже. В Нью-Йорке у меня было несколько ничем не обязывающих связей. Для вдохновения. Тут — Соня. Но это — шлак. Отец считал Соньку нормальным вариантом, я, в принципе, тоже.

Танцовщицы в клетках создавали нужный антураж и поддерживали градус. Ди-джей завёл новую пластинку, и танцпол окрасился в золотисто-красные тона. Я поморщился от нового глотка.

— Что батя? — спросил Димон. — Скажешь, он не имеет на тебя виды?

— Мне плевать на его виды. Что он перекрывает кислород — хреново. Но я выкручусь.

— А мать?

Отвечать не стал. У сцены началась движуха, вспыхнули факелы и появился мужик с зализанным хайером. Я потягивал виски вполуха, слушая друзей. Мысли были о своём. И о малышке в комбезе. Давно меня не отшивали, но, надо признаться, я не особо старался.

Файер-шоу началось живо. Отец всегда был горазд на развлечения. И его команда пиарщиков тоже. Он умел раздавать задачи, но со мной не прокатило.

— Нужно заставить батю разблокировать мой счёт, — сказал я, обведя парней взглядом.

Те притихли. Я усмехнулся. Смартфон на столе завибрировал и стал подплясывать. На дисплее появилась моська Сони.

— Что тебе? — спросил я, поставив смартфон на громкую.

— Ты — урод, — выдала она нетрезво. — Ты... мразь ты, Амир! Ты меня использовал!

— И что из того?

— То есть... Ты даже не скрываешь?! Ты... Ты сукин сын! Ты... — она всхлипнула. — Объясни мне! Почему?! Просто скажи, я пойму!

— Потому что.

— Потому что?! — взвилась она, и я взял телефон. — Хватит, Соня. Иди спать.

— Сам иди спать! Я хочу знать, почему ты со мной так!

Я нажал отбой и кинул смартфон на диван.

Шоу было в разгаре. На нашем столе стаканов стало больше, а вискаря в бутылке осталось на дне.

— Ты универ окончил? — спросил Илюха.

Он всегда был самым душным из нас. Я покривил губами.

— Окончил. Иначе, нахрена я тут бате?

— Логично, — сказал Димон и поднял стакан. — За нашего дипломированного специалиста.

Мы с парнями чокнулись, усмехаясь. Не ту специальность предложил мне батя. Но семь лет в Штатах я потратил не зря.

— А когда он...

— Я оставлю вас на пару минут.

Я поднялся из-за столика.

Брюнетка из клетки, с полчаса назад сменившая место дислокации на мой диван, посмотрела с вопросом. Её большие глаза были подчёркнуты чёрным, а стакан в тонких пальцах иногда подрагивал. Ник положил на неё глаз, но тактично держался. Его дебильная тактичность всегда выводила из себя. Хочешь трахнуть её — трахни. Если захочу я — скажу об этом.

Я свернул в проход к уборным.

— Нет! — донёсся до меня женский голос. — Я не...

— Эй, мужик!

На меня обернулся широкоплечий мужчина. Его взгляд был яростным, а девчонка, которую он прессовал, показалась знакомой.

— Тебе что от неё надо?

— Не твоё дело, — ответил он.

— Здесь все дела мои.

Мужик развернулся. В девчонке я узнал «училку», и непонятная ярость завладела сознанием. Её глаза были распахнуты, пучок растрепался.

— Вали отсюда, щенок, — процедил мужик, надвигаясь.

Я прищурился. Кровь вскипела за секунду.

— Свалишь ты.

— Руслан, — звонкий голос прозвучал на задворках сознания.

Мужик замахнулся. Я ответил ему резким выпадом. Кулак смачно впечатался в челюсть, затем ещё раз. Ярость охватила меня, алые капли крови на запястье стали точкой невозврата. Боль в скуле только добавила адреналина. Я ударил несколько раз. Визг позади привёл в сознание на секунду, и тут же я получил удар в скулу. *Сукин сын!*

Я впечатал утюжка в стену и врезал под дых. Кулак впечатался мягко, беззвучно. *Батя рассчитывал, что я стану в Штатах примерным пацаном. Хер тебе, батя!*

— Руслан, — воскликнула девчонка, цепляясь за мужика. — Пожалуйста...

Я отступил. Вытер кровь. Мужик было дёрнулся ко мне, но девчонка вцепилась в него намертво. На её бледных щеках блестели слёзы, а светлые, полураспущенные волосы падали на плечи и спину.

— Пожалуйста, не трогай его.

Меня как бритвой по нервам полоснули. Я дёрнулся к утюжку, но поймал её взгляд. *Голубые глазница... чёрт, какие голубые!*

Оцепенение было мгновенным и конкретным.

— Ты пожалеешь, молокосос. Я тебя достану, — процедил мужик и толкнул «училку» вперёд.

Он остановился и смерил меня взглядом. Я сжал кулаки. Во рту был привкус крови, в коридоре уже собралась толпа.

— Бойся, — сказал он, подойдя на шаг. — Я тебя из-под земли достану.

— Это ты бойся.

Глава 2

Аля

— Руслан!

— Замолчи, — муж рывком открыл дверцу машины и втокнул меня.

Я упала на сиденье, ударила рукой. Но это было меньшим из зол. Руслан захлопнул дверцу, и я вжалась в спинку, с трудом представляя, что будет дальше. Его силуэт мелькнул на фоне вывески клуба. Меня знобило и трясло.

— Я не знала... — попыталась сказать я, едва муж сел на место водителя.

Он повернул ко мне голову. Его скула была рассечена, на белой рубашке — капли крови. Глаза горели темнотой, и я замолчала.

Я потёрла замёрзшие пальцы и на миг застыла, коснувшись кольца. Машина сдала назад, Руслан вывернул руль, сжимая его с яростью. Я явственно представила, что так же он мог сжимать мои руки.

— Ты это сделала специально? — процедил он спустя минуту, когда мы выскочили на пустую дорогу.

— Нет! Просто Стася...

— Опять твоя эта шлюха?! — он зыркнул на меня.

— Она не шлюха!

— Я запрещаю тебе общаться с ней, — сказал он, как отрезал.

— Нет! — вырвалось у меня, а на глаза навернулись слёзы. — Рус... — я поглубже вдохнула, стараясь не разреветься, потому что он ненавидел это. — Я не сделала ничего плохого. Стася — моя единственная подруга, ты же знаешь. Я... — я осеклась.

— Если она ещё раз появится рядом с тобой, я сам с этим разберусь.

— Перестань! — я не выдержала и сорвалась на крик. — Что ты собрался сделать?! При чём тут Стася?! Это наши с тобой отношения — твои и мои! Я просто хотела послушать музыку и всё! Ничего такого! Почему я не могу пойти с подругой...

— Замолчи! — взревел он и прибавил скорость.

Ночные вывески и фонари замелькали, и мне стало нехорошо.

— Сбавь скорость, Руслан, — просипела я, борясь с тошнотой. — Меня укачивает.

Он сжал зубы и грубо выругался.

— Музыка ты, сука, послушать пошла?! Посмотри на себя. Разукрасилась, как на панель, и задницей пошла вилять. Понравилось?! — его голос сотряс воздух, барабанные перепонки едва не лопнули. — Понравилось, дрянь?!

Я всхлипнула.

— Что?! Что не нравится?! Мне тоже не нравится, что моя жена пошла в клуб моего партнёра и опозорила меня! Что ревёшь, сука?! Что, я тебя спрашиваю?!

Он схватил меня за локоть и дёрнул. Я увидела перед собой его перекошенное яростью лицо, чёрные глаза. Его губы искривились, и он швырнул меня обратно. Я ударила о дверцу, о стекло и подавила вскрик. Но рыдания рвались неудержимо.

— Я не знала, что это... что это твой партнёр.

— Ты никогда ничего не знаешь! Ты только и знаешь, как сделать дерьмо! — он выругался снова. — Нравится чужим мужикам улыбаться?! Жопой вертеть перед чужими мужиками нравится?!

— Я не вертела, — прошептала я сквозь слёзы.

— Нравится?!

— Нет! Не нравится! — закричала я на весь салон и сорвалась на плач. — Хватит, Руслан! Перестань!

— Перестать?! — он втянул воздух. — Ты воняешь. От тебя прёт, как от потаскухи в портовом мотеле!

Я замотала головой. Руслан посмотрел с презрением.

— Такой пример ты детям показываешь?! Хочешь, чтобы они видели, какая их мать — дешёвка?!

Я опять замотала головой, не переставая рыдать. Чем больше я пыталась сдерживать слёзы, тем сильнее они текли, и Руслан от этого впадал в ещё большую ярость. Вдруг он сбросил скорость и остановился посреди улицы.

— Выходи, — приказал он.

У меня дрожали губы. Я смотрела на него сквозь слёзы, не понимая, что он хочет.

— В таком состоянии тебе нечего делать в моём доме. Пока не проветришься, к детям я тебя не подпущу.

— Я выпила один коктейль, — попыталась возразить я, но он уже разблокировал двери.

Сердце забило быстрее прежнего, когда Рус вышел на улицу. Снова его силуэт мелькнул на фоне ночного города, и дверь с моей стороны открылась. Я вцепилась в сиденье.

— Руслан, нет! — взмолилась я. — Пожалуйста, нет! Я только...

Он вытащил меня прямо на дорогу и толкнул прочь, к тёмной обочине. Я было бросилась к нему, но он оттолкнул снова. Я чуть не упала. Он сел в машину. Я успела заметить, что он достал телефон. Бросилась к машине и схватилась за дверцу, но машина сорвалась с места. Пальцы разжались, я опять чуть не упала. Слёзы душили, не давали дышать, руки ныли от хватки жёстких пальцев. Меня колотило, грудь разрывало.

Апрельская ночь была холодной, и я прочувствовала это с первым порывом ветра. Рядом, дико сигналя, пронеслась машина. Я шарахнулась с проезжей части и встала на тротуаре, понятия не имея, что делать. Моя сумка осталась у Руслана, с собой не было ничего — ни денег, ни телефона. Я озиралась по сторонам, не понимая, что делать дальше. В какой-то момент я потеряла Стаску из виду и пошла в туалет. А там... Откуда Руслан узнал, где я?! Его не должно было быть в Москве! Не должно было!

От отчаяния, холода и растерянности слёзы потекли снова. Проехавшая машина засигналила, и я нырнула в темноту. Обочина была узкой, асфальт — щербатым. Я обняла себя за плечи и просто пошла вперёд, понятия не имея, куда иду. Проклятый коктейль! Говорила же Стасе, что мне лучше совсем не пить! Стася...

Рядом, прямо напротив, притормозила машина. Я ускорила шаг, но машина догнала меня. Из неё вышел мужчина, и я пошла ещё быстрее, но он нагнал меня за считанные секунды.

— Эй ты, училка! — он схватил меня за плечо. — Стой, дура.

— Отстаньте! Я не... — Я прекратила вырываться.

Это был тот парень, который ввязался в драку с Русланом. Поняв, что я не убегаяю, он отпустил меня.

— Поехали, — сказал он, показав на свою машину.

— Не поеду я с вами никуда.

Он криво усмехнулся. Нагло и дерзко.

— Я такой старый, что ты со мной на «вы»?

— Я вас не знаю, поэтому на «вы»! И вообще...

— Я представлялся.

Я помнила, что он представлялся. Но имя... Как из ниоткуда всплыло: Амир. Парень смотрел в упор, стоя опасно близко. Границы личного пространства для него не существовали. Его небрежно накинутый винтажный пиджак был расстёгнут, на футболке — логотип модного бренда. В ночной прохладе я уловила исходящий от него запах — крепкий алкоголь с нотками бергамота и чего-то такого... мужского.

— Как тебя зовут?

— Аля, — ответила я неосознанно. — Какая вам разница?

— Точно, Аля. Поехали, Аля. Подвезу, куда скажешь.

Я превратилась в зайца перед удавом. Только страшно не было — наоборот. Он протянул мне раскрытую ладонь, и мои пальцы дрогнули. Я посмотрела на его машину с горящим внутри тёплым светом.

— Поехали, — голос с чуть заметной хрипотцой заволаживал.

Моя рука потянулась к его, но резкий автомобильный гудок разогнал пелену. В миг опомнившись, я обернулась.

У противоположной стороны дороги стояла чёрная машина. Сигнал повторился.

— Я не могу, — сказала я быстро и пошла к ней.

— Ты можешь, — он догнал меня.

— Не могу, — ответила я, но взгляд неосознанно задержался на его лице.

— Я тебя найду, детка.

Я мотнула головой и ступила на дорогу. Почти бегом дошла до машины, и дверца передо мной распахнулась.

— Аля Викторовна, — Андрей внимательно посмотрел на меня. — Вы в порядке?

— Да. Этот молодой человек... Он просто спросил, не нужна ли мне помощь. Всё хорошо. Спасибо, — шепнула я и села на переднее кресло.

— Пристегнитесь.

Я взялась за ремень. Андрей дождался, пока я пристегнусь, и медленно отъехал от обочины. В зеркало я видела оставшуюся позади машину аквамаринового цвета и мелькающий в темноте огонёк сигареты. Почему-то не могла отвести взгляд. Только когда машина исчезла из вида, я повернулась к Андрею.

— Тебя Руслан прислал?

Он кивнул. Я не спросила, насколько зол муж. Это было и так ясно. Да и Андрей смотрел на дорогу, а не на меня — верный признак того, что дома ничего хорошего меня не ждёт. И всё же я ещё раз глянула в зеркало. Там была только дорога и ничего. Но... Я словно бы ещё чувствовала запах алкоголя, сигарет, осени и бергамота. И кожа при мысли о парне со взглядом Курта Кобейна на секунду ушла далеко от дома.

Когда мы заехали на территорию коттеджа, грудь сдавило. Казалось, я успокоилась, справилась со слезами. Несколько раз про себя я повторила, что скажу Руслану. Как остановлю его, прекращу бесконечный абюз. Но окна светились, на подъездной дорожке стоял автомобиль мужа, и всё вокруг будто бы говорило: «ты здесь — никто».

— Всё хорошо, Аля Викторовна? — спросил Андрей, посмотрев внимательно.

— Да, спасибо, — ответила я и вышла.

Руслан меня не встречал. Ни на улице, ни в доме. Но от этого напряжение усилилось.

Я с минуту простояла в холле. Моё отражение в зеркале было обычным — ничего примечательного. На всякий случай я пригладила волосы. Руслан ненавидел, когда я была не его идеальной женой. Первым делом сегодня он стёр с моих губ помаду. Почти незаметную, розовую, но он вытирал её ладонью, делая больно.

Стараясь, чтобы меня не было слышно, я поднялась на второй этаж.

— Ты куда? — раздалось за спиной, и я встала.

Медленно развернулась. Руслан вышел из нашей комнаты и стоял, расставив ноги на ширину плеч. Его рубашка была не заправлена в брюки, как обычно, на запястье — часы, которые сейчас бросились мне в глаза.

— К детям. Хочу проверить, как они.

— Ты не пойдёшь к детям. Они с няней.

— И что? Я хочу просто посмотреть.

— Я сказал — нет, — он подступил ближе.

Я замерла, натянувшись всем телом.

— Я хочу к своим детям, — выговорила я с упрямством.

— Детям не нужна мать — шлюха.

Я проглотила обиду. Отвернулась и хотела обойти его, но он схватил меня за плечо.

— Что ты...

— А мне нужна, — он толкнул меня к спальне. — Как раз думал снять девку. Но раз ты тут...

Смысл его слов дошёл спустя секунду. Я отбивалась от него, но он повалил меня навзничь. Его лицо оказалось прямо перед моим, дыхание обожгло кожу, и я уловила нотки алкоголя. В мыслях мелькнуло: совсем другое...

Руслан схватил ворот водолазки и потянул. Это привело меня в чувства. Я вцепилась в его руки, попробовала отодрать.

— Что тебе не так? — рыкнул он, склонившись.

— Я не хочу!

— А я хочу.

Он дёрнул ворот, и ткань больно впилась в кожу. Руслан грязно выругался и отпустил. Его ладонь пробралась снизу, оказалась на животе. Я напряглась всем телом от прикосновения. Его пальцы были тёплыми, даже горячими, а меня затрясло. Он стянул с меня водолазку, спустил бюстгальтер и, наклонившись, припал к груди. Втянул в рот сосок и прикусил. Тело пронзила боль, я вскрикнула.

— Прекрати! Ты делаешь мне больно!

— Ты мне тоже.

Он обхватил ладонью вторую грудь и сжал. Наши взгляды встретились на мгновение. В его глазах полыхал нездоровый огонь, зрачки были широкими, волосы падали на лоб. Время замерло. Я ведь его когда-то любила...

— Ру...

Он стянул с меня брюки. Я ударила его в грудь обеими ладонями, впилась в руку, но он отшвырнул мою.

— Ты — моя жена, — пощёчина оглушила.

Во рту появился вкус крови, я забыла, как дышать. Он обшарил мои бёдра, раздвинул ноги. Сквозь пелену я слышала, как вжикнула ширинка. Рывком он расстегнул рубашку. Слёзы катились из глаз, но ему было всё равно.

— Ай, — вскрикнула я и закусила губу.

Его ноздри раздулись, он шумно задышал, входя глубоко и резко. Смотрел прямо на меня, а я пыталась спрятаться от взгляда. Только не плакать, только не плакать...

— Отлично, — просипел он, схватив меня за подбородок. — Смотри на меня, маленькая шлюха.

— Я не...

— Молчать! — заорал он и ударил меня снова. — Ты — дрянь! Молчать!

Я проглотила кровь и слёзы. Боль разрывала тело, но лучше было не спорить с ним. Он двигался быстро и резко, хватая меня за грудь, пока струя не ударила изнутри. Прикрыв глаза, я ждала, когда это кончится. Он застонал и погладил меня по лицу, по волосам. Нежно, ласково. Прикоснулся губами к моим губам.

— Вот так-то, Аля, — прошептал он на ухо. — Вот так хорошо.

Поцеловал меня в мочку и перекатился на другую половину постели, а потом встал.

Я лежала с закрытыми глазами и не шевелилась. Слышала, как он застёгивает брюки, как что-то берёт из шкафа. Внутри тикал метроном — размеренно, навязчиво.

— Мне надо ещё поработать, — сказал Руслан.

Я всё же подняла веки. Он стоял в дверях.

— Не вздумай идти к детям. Ты наказана. Узнаю — мало не покажется. А я узнаю, Аля.
— Его взгляд прошёлся по моему телу.

Мои штаны были спущены, сдёрнутый лифчик приподнимал грудь, руки вытянуты вдоль тела. Он смотрел долго, а потом ушёл. Я открыла глаза и уставилась в потолок, глотая немые слёзы. Он узнает. В этом доме везде камеры, только его люди, повсюду его глаза и уши. Потому что я, выйдя за него замуж, подписала себе приговор, сама этого не зная.

Глава 3

Амир

Пустой клуб наводил тоску. Батя разбудил меня звонком, но что ему нужно, по телефону не объяснил.

Отец был в кабинете.

— Доброе утро, — я захлопнул дверь и глотнул схваченный по дороге кофе.

— Какое, нахрен, утро?!

Он смерил меня взглядом, от которого я должен был почувствовать себя дерьмом.

— Одного не могу понять, отец. Если я вызываю у тебя раздражение своим присутствием, зачем ты вытащил меня? Я бы своими делами занимался, ты своими. По-моему, отличный вариант.

— Всё сказал?

Кофе не помог. Я зевнул, прикрыв рот ладонью. До самого утра в голове звучала мелодия. Но ухватить её не получалось. Обрывки фраз не складывались, и я терзал гитару.

— Что с руками?

— Много вопросов. Давай по делу, а? Или, может, я пойду? — я было развернулся к двери.

— Стоять! — гаркнул отец.

— Ладно, ладно, ты так не горячись. Тебе в твоём возрасте вредно.

Я выдержал очередной уничижительный взгляд. Прости, батя, но это работало, когда я ходил в младшую школу. А сейчас иммунитет.

— Клоун, — процедил он и обошёл стол. Развернул ко мне ноутбук и нажал на воспроизведение. На экране ожила запись с камеры видеонаблюдения, установленной в коридоре у туалетов. Мужик прессовал Алё.

— Я хорош, да? — Допил кофе и смял стаканчик. — Нет... Надо было перенести центр тяжести. Тогда бы...

— Это не шутки! — оборвал меня отец. — Ты только приехал и уже создаёшь проблемы! Ты знаешь, кто этот человек?!

— Какой-то мудака. Ты бы охрану в клубе сменил.

— Это Руслан Калашников. — Он с яростью захлопнул ноутбук, хотя видео ещё не кончилось.

— Калашников... Это потомок того, который, — сложил пальцы пистолетиком, — бах-бах... Автомат изобрёл?

На скулах отца заходили желваки, глаза по цвету стали такими же, как зрачки. Я бросил смятый стаканчик в мусорку.

— Руслан Калашников — правая рука руководителя Росимущества, — прочеканил отец. — У него множество связей в министерстве финансов. От этого человека зависит, получу я землю под строительство, которую хочу получить, или нет. От этого человека зависит материальное благополучие моей семьи. От этого, чёрт бы тебя побрал, человека зависит, сколько я выложу за землю! А ты полез на него с кулаками. Адреналина мало? Так иди в спортзал и спусти пар!

— Я же не знал, — пожал я плечами. — Извини, больше не буду.

Он снова сцепил зубы. Хорошо бы было, чтобы батю кто-нибудь просветил, что «испелить взглядом» придумали для красного словца. На деле это не работает.

— Ты меня специально злишь или действительно ничего не понимаешь? — спросил отец сквозь зубы.

Я присел на край стола, на котором не было ничего, кроме ноутбука и пустой чашки из-под эспрессо.

— Давай проанализируем. Злить тебя специально... Слушай, пусть мне тоже принесут кофе, а? — Судя по выражению лица, батя был на грани. — Понял, обойдусь без кофе. Короче, злить тебя весело, но мне нужно, чтобы ты разблокировал мой счёт. А действительно ли я что-то не понимаю... Слушай, отец, на чистоту. Этот Калашников прессовал девушку. Меня это триггернуло. Или надо было стоять и смотреть? Ты меня, вроде, такому не учил.

У него дёрнулась верхняя губа.

— Ну что, скажешь, я не прав?

— Отношения Калашникова и его жены тебя не касаются.

— Да откуда я знал, что это Калашников?!

— Теперь знаешь.

Отец отвернулся. Достал бумаги, подошёл и спихнул меня со стола. Подал мне папку.

— Разберись с этим. Изучи до пятницы.

— Это что ещё за хрень?

— Это не хрень. Это бумаги по судебному разбирательству. Если кратко — на нас подали в суд за якобы ненадлежащее оказание услуг. На деле девчонка напилась, упала и сломала руку, а теперь хочет денег.

— А я тут при чём? Хочет денег — дай ей денег и живи спокойно.

— Это дело ведёт Александровский, но я хочу, чтобы ты помог ему. Больше я не намерен платить адвокатам и юристам без весомых причин. Я слишком много вложил в тебя.

— Э-э-э, — я остановил его, подняв ладонь. — Насчёт весомых причин: есть одна. Я в это дерьмо, — показал на папку, — лезть не хочу. Тебе надо было, чтобы я выучился на юриста? Ок, я выучился. Но у меня свои виды на жизнь, отец. Я тебя просил вкладываться в моё обучение на юридическом? Не просил. Это была твоя инициатива. Не приписывай мне долги, ок?

— Тебе двадцать пять. Ты живёшь на мои деньги, ездишь на машине, которую я тебе купил, живёшь в квартире, которую купил я. Хочешь болтаться по ночам и спать до вечера?

— Да нет... Зачем до вечера? Мне и до часу дня нормально.

Он долго смотрел. Потом убрал папку обратно, ничего не говоря. Я напрягся. Заводить тему о разблокировке счёта было не лучшим моментом.

— Иногда мне жаль, что ты мой сын.

Между нами повисло молчание.

— Я знаю, — ответил я наконец и оставил отца в одиночестве.

Не ускоряя шаг, прошёл через второй этаж с гримёрками и вышел на парковку.

Заведя двигатель, я закурил. Мелкий дождь покрыл лобовое стекло плёнкой, но служебный вход был виден отчётливо. Я мрачно хмыкнул.

— Пошёл ты, — процедил, раздумывая, что делать дальше.

Дальше надо было собрать парней.

Одно я вынес из этой встречи: Аля — с Калашниковым. Калашников — важная шишка, значит, найти её будет просто. Если я, конечно, захочу найти.

— Дела твои совсем плохи, — Илюха поднял с пола пакет от чипсов. Открыл дверцу под раковиной, но ведро не нашёл и положил на столешницу.

— Не так и плохи. Ты собрал парней?

— Димон и Ник будут к девяти в «Бам-баме».

— А Ван?

— Он постарается подтянуться, но пока под вопросом. Сказал, что большой заказ.

— Ок.

Я открыл банку холодной коки и дал Илье. Открыл вторую. Дождь шёл весь день, и в его запахе мне мерещился лёгкий аромат женских духов. Она не шла из головы почти сутки. Илья взял листок. Я забрал его.

— «На лезвии выживают

Без тебя

Для тебя

С тобой всегда не хватает...» — процитировал друг.

— Наброски, — убрал я листок в карман и забрал с кухонной стойки ключи.

Илюха ещё раз осмотрел квартиру, но от комментариев воздержался. Только хмыкнул, увидев гитару на постели.

— Может, помиришься с Сонькой? — спросил он многозначительно.

— Может, помирюсь. Может, не помирюсь.

Разговор прервал звонок Илюхиного телефона.

— Да, Ник... Ок.

Он показал на дверь. В голове у меня снова толкались и раскалывались строчки.

«Из прошлого века эхом

Что общего между скромностью и грехом...»

«Бам-бам» был кафе-баром, где мы зависали ещё до моей ссылки в Штаты. Иногда тут проходили концерты «для своих» и авторские спектакли. Ник ждал нас за столом, который мы занимали всегда.

— Хотя что-то в этой паршивой жизни не меняется, — я пожал ему руку. — Три венских кофе, — попросил я официантку, ещё не успевшую положить на стол меню.

— Ван тоже вот-вот подойдёт.

— Тогда четыре. — Я посмотрел на сцену, где к выступлению готовились музыканты — два парня и девушка с татуировкой на шее. В её волосы были вплетены ленты, и в целом выглядела она странно.

— Дождёмся всех? — спросил я у парней и увидел Ваньку.

Пока Ник, Ван и Илья перетирали проблемы китайских тачек, я вынул из-подставки лист с анонсом будущих выступлений. С одной стороны он был исписан, с другой оставалось место. Девушка на сцене пела звонким эльфийским голосом. Любовь, расставания... Признаться, в какой-то момент я заслушался.

Нашёл у себя карандаш.

— Ты что пишешь? Любовную поэму?

— Почти, — поставил я точку и поднялся.

Под взглядами друзей дошёл до сцены. Песня как раз кончилась, и я, заскочив, подал лист певице. Она была ниже меня на голову.

— Я вас не приглашала, — сказала она прямо в микрофон.

— Ничего страшного. Я ненадолго. Ты прикольная.

— Спасибо, конечно.

— Амир, — сказал я и, сложив листок в несколько раз, сунул в карман её сарафана. — Там кое-что для тебя. В твоём стиле. На авторские права не претендую — просто подарок.

Она изогнула бровь.

— Не рассчитывай, не позвоню.

— Я и не рассчитываю.

Я спрыгнул со сцены и вернулся к ребятам. Подошедший одновременно со мной Дима бросил джинсовку на свободный стул.

— Как понимаю, ждали только меня?

— Правильно понимаешь. Раз все тут — вопрос. Что насчёт демки?

Повисла пауза.

— Это студийка. Записал в Штатах. Там мне удалось сколотить бэнд, но ничего серьёзного. Давали иногда концерты в барах. Вы спрашивали меня, чем я планирую заниматься здесь. Вот этим и планирую. Только уже серьёзно.

— Хочешь втянуть нас в дело? — первым подал голос Ник.

— Да.

Девушка опять запела. Меня дёргала навязчивая мысль — мы могли бы тоже начать тут. Я знал директора и в лёгкую договорился бы о нескольких концертах.

Парни тянули.

— А отец?

— Мне плевать на отца и его мнение.

— Я в деле, — коротко сказал Ван, молчавший до того. — Барабаны у тебя есть, Амир.

Я пожал ему руку и хмыкнул. Двое — лучше, чем один.

— Беру на себя клавиши, — Димон протянул руку следом.

— Отлично. — Я глянул на остальных парней. Ник когда-то играл на басу, Илюха был отличным соло-гитаристом.

— Обещать ничего не буду, — Ник качнул головой. — У меня работа — не уверен, что смогу совмещать. Но попробовать можно.

— Пойдёт, — пожал я руку и ему. — А ты, Илюх?

— Прости, брат, я мимо.

— Это подстава. Давай. Ты же отлично играешь.

— Пару лет назад я повредил руку. Не могу, извини. Пришлось продать гитару — без вариантов. Но если тебе нужен менеджер, я могу взять это на себя.

На дисплее зазвонившего телефона высвечивалась фотография худощавой женщины с тёмными волосами и глубоко посаженными глазами. Мама. Я не хотел отвечать — не сегодня. Но на третий звонок всё же ответил.

— Слушаю тебя, мам.

— Ты опять с отцом поссорился, Амир. — Её голос звучал жёстко и устало. Как обычно.

— Я с ним не ссорился. Всего лишь объяснил свою жизненную позицию. Она его не устроила, но это чисто его проблемы.

— А у тебя, я смотрю, проблем нет. — Она замолчала на несколько секунд. — Ты где?

— С друзьями.

— Ты ведёшь себя, как будто тебе пятнадцать. Амир...

— Мам, я тебя, конечно, очень люблю, но разговаривать об этом не буду.

— Мне звонила Соня.

Я сжал телефон. Мама молчала. По её молчанию я понял, что должен оправдаться.

— Извинись, пожалуйста, Амир. Она рассказала мне...

— Эта тема — табу. Извини, мам, я не могу говорить.

Димон молча добавил мне виски и поднял свой стакан.

— Фейс попроще, Амир. Сегодня — важный день. За группу!

— За группу, — ответил я и отхлебнул.

В самом деле. Сегодня родилось моё детище.

«Из прошлого века эхом

Что общего между скромностью и грехом?

Детка, как тебе нравится?

Когда я сзади или ты — верхом?»

— Как назовёмся? — спросил Ник. — Надо как-то...

Концерт был в разгаре. В «Бам-баме» прибавилось народа. Сбоку от сцены бледно-зелёным светилась табличка.

- «Запасной выход»

— Что «Запасной выход»? — не понял Ник.

— Мы — «Запасной выход». И это не обсуждается.

Глава 4

Аля

— Зачем сейчас? Я не хочу!

— Потому что сейчас, Милана. Где твои лосины?

— Я не знаю.

— А если подумать?

Дочь вздохнула и с мученическим видом стала искать в шкафу лосины для занятий. Я смотрела на её узкие плечи, на длинные светлые волосы с тяжёлым сердцем. Ей восемь, скоро она начнёт понимать гораздо больше, чем понимает сейчас.

— Нашла! — объявила она и торжественно продемонстрировала мне лосины.

— Хорошо. Клади в сумку.

Достав из стопки чистый топ, я подала ей и снова засмотрелась на дочь. Она была похожа на меня в детстве и совсем не похожа на Руслана. Совсем. Его это раздражало, как и многие другие вещи, которые шли вразрез с его желаниями. У меня в восемь лет не было ничего — платья, которые я донашивала за кем-то, школа, кошка, которую я притащила с улицы, и всё. Я хотела ходить на танцы, но у родителей не было денег. А после того, как отец ушёл, стало совсем плохо. У Миланы же, напротив, было всё. И ничего не было.

— Мам, ты опять грустная.

— Тебе показалось. Давай проверим, всё ты собрала или нет.

— Няня проверит.

— А почему няня? Ты же уже большая девочка, можешь сама.

— Да, я большая, — согласилась она. Задумалась о чём-то и опять открыла сумку. — Но не очень большая. Я не хочу быть такой большой, как ты.

— Почему?

Она вынула из сумки вещи, которые мы только что уложили. Переложила их и опять убрала в сумку. Мне она не отвечала, старалась показать, что безумно занята.

— Мил, почему ты не хочешь быть такой большой, как я? — спросила я настойчивее.

Она глянула из-под бровей. Прикусила губу. Она так делала, когда не хотела отвечать и искала любой способ уйти от ответа.

— Можно мне мороженое?

Вот она — очередная попытка перевести тему. Когда она начала практиковать это, я пропустила. В какой-то момент няня стала проводить с моими детьми больше времени, чем я. Руслан требовал, чтобы я сопровождала его везде: на выставках и благотворительных вечерах, во время отпуска, во время командировок. Глупая девчонка, я думала, что он хочет, чтобы я была с ним постоянно. Он действительно хотел — идеальную картинку. Но когда до меня это дошло, было уже поздно — я всецело принадлежала собственному мужу.

— Пока ты не ответишь на вопрос, который я задала, — сказала я строже, — разговор мы не продолжим. Почему ты не хочешь быть, как я?

Она стала тереть кисточку на пледе, которым была застелена кровать. Сама не знаю, почему мне важно было добиться ответа.

— Потому что папа на меня ругается, но иногда. А на тебя он ругается сильно, — выпалила она на одном дыхании. — Когда он ругается, он страшный.

Если бы меня ударили, и то не было бы так... так оглушительно. Руки опустились, горечь слёз появилась в горле, язык стал неповоротливым. Я бы хотела оправдать Руслана в глазах нашего ребёнка. Или не хотела бы?

— Ты, папа и я — всё совсем по-другому. Не переживай, он не будет на тебя ругаться, даже когда ты станешь совсем взрослой, — слова прозвучали фальшиво, показались пластмассовыми.

Милана кивнула и взяла со стола листок бумаги.

— Я сложу конвертик. Мы с няней складывали, я тебе сложу.

Её пальчики ловко загибали края. Почему они учились складывать конверт с няней? Почему не со мной? Когда Руслан стал ограничивать меня в общении с детьми? Когда наказанием за любую провинность стало его «нет» и закрытая дверь детской?

— Что вы делаете?

— Иди к нам, — поманила я Платона, и он подошёл ближе. — Смотри, твоя сестра складывает для меня конверт. Правда, у неё здорово получается?

Сама я ничего такого не умела. Когда-то, в детстве, немного рисовала, немного пела, немного танцевала. Почему я не попыталась стать кем-то большим, чем стала? Потому что встретила Руслана и влюбилась в него до потери сознания? Или мне казалось, что влюбилась? Высокий, на дорогой машине, он водил меня, девчонку, по ресторанам, дарил цветы. Всё было серьёзно. И когда он предложил выйти за него замуж, я не раздумывала ни секунды.

Для вечера я выбрала длинное серое платье без рукавов. Из украшений — один из подаренных Русланом гарнитуров. Из белого золота, с сапфирами, которые, как он говорил, идеально подходили к моим глазам. Колье изящной работы, длинные серьги и браслет — неброская роскошь. Состоятельность и успешность, которую мой муж демонстрировал, используя меня в качестве собственной модели.

Всё было идеально.

Я увидела в отражении зеркала Руслана и повернулась к нему.

— Выезжаем через двадцать минут.

— Хорошо. А во сколько вернёмся?

— Не знаю. Какая тебе разница?

— Хотела побыть с детьми перед сном. Рус...

— Не сегодня, — отрезал он.

— А когда? — спросила я с лёгким вызовом. — Когда, скажи? Ты не позволяешь мне уложить их уже который день. Они скоро няню мамой начнут звать.

Я вздохнула. Разговоры в таком ключе никогда не приводили ни к чему хорошему.

— Хорошо, сегодня я в твоём распоряжении. Но завтра я буду с Платоном и Милой.

Он осмотрел меня с головы до ног. Я знала, что выгляжу идеально: неприметно и совершенно, как должна выглядеть его идеальная тень.

Он подошёл ближе — на метр или, может, ещё меньше. Ботинок на нём ещё не было — белая рубашка, заправленная в тёмные брюки, и тёмно-серые носки. Он носил только такие, за семнадцать лет брака я это выучила. Внутренне я похолодела. Уголок рта Руслана почти неумовимо дрогнул. Раньше я бы отступила, теперь осталась на месте, но он чувствовал мой страх.

— Ты ставишь мне условия, Аля?

— Это не условие. Я имею право заниматься своими детьми. Няня для них — чужая женщина, и она не может дать моим детям то, что могу дать я.

— И что же ты можешь дать? — в голосе появилась издёвка. — У няни, которую я нанял своим детям, два высших образования. Она в совершенстве знает английский, французский и итальянский. У неё огромный опыт, не говоря уже о том, что она играет на фортепиано и закончила курсы по психологии. А ты что? Вспомни, где я тебя нашёл. У тебя кроме смазливой мордашки ничего нет. Да и то, — он поморщился. — Следи за своим телом. Ты стареешь. Запишись на процедуры, сделай... не знаю, что вы, бабы, делаете. Займись собой.

— Займусь, — голос зазвучал сипло. — А детям...

Он меня не слушал. Рассматривал спокойно, без эмоций. Я осеклась. Говорить с ним в такие моменты было бессмысленно, ещё хуже — Руслан мог разозлиться.

— Волосы, — показал он.

— Что «волосы»?

— Собери их. Ты выглядишь, как доступная девка, а не как хорошая жена.

Я вложила во взгляд всё, что могла: досаду, упрёк, только ему было плевать.

— Что ещё со мной не так, Руслан?

Он уже развернулся, но мой вопрос остановил его.

— Тело, лицо, волосы! Ещё что?!

— Всё остальное в порядке. Если меня что-то перестанет устраивать, я тебе скажу.

Только дверь за ним закрылась, я схватила с тумбочки первое, что попало под руку, и со всей силы швырнула. Глаза жгло, в груди горело, меня разрывало. Я сжала руки в кулаки, ногти впились в кожу, и боль отрезвила. Просто дышать — глубоко, размеренно. Дышать и терпеть. Другого мне всё равно не суждено.

— Мама! Мама!

Милана вылетела из дома, когда Андрей уже открыл передо мной дверцу. Вслед за ней выбежал и Платон. Няня — высокая худая женщина немногим старше меня — вышла следом и остановилась у дома. Дети подбежали, и я, присев, обняла обоих. Закрыла глаза на мгновение.

— Вы с папой уезжаете? — спросила Милана, когда я отпустила её.

— Да, солнышко. Мы же с тобой сумку на тренировку сегодня поэтому собирали. Ты забыла?

— Да.

— Ну вот. Мы с папой едем...

Я не знала, куда мы едем. На заключение контракта, на выставку или ещё куда. Знала только, что должна быть в вечернем платье — это было единственное, что мне нужно знать.

— Мы едем на юбилей к моему другу, — ответил Руслан.

— Видите, — улыбнулась я. — Мы едем на юбилей к папиному другу. Будем поздравлять его с днём рождения.

— Сколько ему годов? — спросил Платон.

Мимолётного взгляда хватило, чтобы понять — он недоволен. И не мной, а нашим пятилетним сыном. Руслан всегда был требовательным, и чем большего он добивался, тем требовательнее ко мне становился. А теперь это перешло на детей.

— Платон, не «годов», а «лет».

— Точно, лет, — исправился он, но на настроение Руслана это не повлияло.

— Садись в машину, — приказал он мне.

Я ещё раз обняла детей. Быстро и крепко — вначале дочь, потом сына. Села рядом с Русланом, и в момент, когда мы поехали, увидела их. Они держались за руки, а свободными ручонками махали нам. Я обернулась и тоже помахала через заднее стекло.

— Сядь ровно.

Я села. Пыталась увидеть Милу и Платона в зеркало, но не смогла.

— Ему семь, Руслан. В этом возрасте дети не могут говорить идеально правильно. Не придирайся.

— Нужно было раньше ограничить твоё общение с ними.

— Ты ерунду говоришь! — возразила я слишком запальчиво. — Зачем ты женился на мне, если я не отвечала твоим высоким стандартам?

Ему позвонили. Конечно же, он ответил на звонок. Привычные фразы: про документы, про сроки... Я не слушала — отвернулась к окну. Водостойкая тушь давно стала моим спа-

сением, но плакать всё равно было нельзя. Я дышала медленно и спокойно, представляя, что никуда не поехала, а вернулась в дом, сняла дурацкие туфли, распустила волосы и, завалив пол в гостиной подушками, дурачусь с детьми. Что мы пьем газировку и громко смеёмся, что я включила попсу, и Милана повторяет выученные движения, чередуя их с простым детским дрыганьем.

Руслан закончил разговор. Стало тихо, и мне ещё сильнее захотелось уйти.

— Не вздумай открывать рот без надобности. Говори только когда тебя спрашивают, и коротко. И не ешь. Два канapé, не больше. Не хочу, чтобы думали, что моя жена пришла пожрать.

Я мысленно послала его. Руслан схватил меня за руку и повернул к себе.

— Ты поняла?

— Поняла! — я вырвала руку. — Не собираюсь я говорить, я всё равно никого не знаю. И есть я не хочу. Сыта, — провела ребром ладони по горлу. — Вот так сыта!

Глава 5

Амир

— Э, нет, приятель. — Я спрятал ключи в зажатый кулак. — Свою тачку я отгоню сам. Мне лакей не нужен.

Отгоняющий машины отцовских друзей парень насупился. Я видел его в первый раз, но если бы видел в сто первый, хер доверил бы ему свою свежeweымытую детку.

— Короче, пингвин, я — сын главного. Мне нужно место, чтобы меня не зажали, потому что долго задерживаться в этой клоунаде я не намерен. Усёк?

Его натянутый фейс говорил — не усёк. Я прыгнул обратно, завёл двигатель и припарковался на краю площадки, уже загруженной дорогами автомобилями. Отец размахнулся.

— Чёрт подери, — процедил, оглядывая припаркованный металл, — доживу до полтоса, соберу парней — замутим треш.

Покашлял к дому, обратил внимание на подъезжающие машины. Что из первой, что из второй вышли пингвины с бабами, отличающимися разве что цветом платьев. Обойдя дом, я задержался у заднего входа и прикурил. Рустам сказал, что в доме кипеж не прекращается уже третий день. Отец всегда подходил к делу основательно, но тут сам себя переплюнул. Я подкурил, не спеша заходить.

— Амир Алимбекович.

Я обернулся. Из кухни вышла кухарка — тётка в районе шестидесяти.

— Что вы тут стоите? Проходите скорее. Ваш отец уже спрашивал про вас.

Я глубоко затынулся. Спрашивал? На кой хрен я ему понадобился, хотелось бы знать. Как по мне, затея с юбилеем была полным дерьмом изначально. На это подписаться мог только отец. На его месте я бы взял мать и рванул подальше от всего этого — на Майорку, в Корею, в Эфиопию, чёрт подери! Куда угодно, только не это всё. Но раздавать советы отцу не имел права никто, тем более я.

Я отошёл подальше, к саду, который помнил с детства. Только потом яблони стали не нужны, и отец приказал выкорчевать их. Вместо сада осталась трава и несколько елей. Дверь кухни открылась.

— Амир!

Голос отца прогремел. Я спрятал сигарету, чтобы он не увидел меня, и когда отец свалил, пошёл к дому, в котором прожил вплоть до совершеннолетия.

Оркестр было слышно из любого угла. Я глотнул коньяк. Отец не признавал ничего, кроме выдержанного коньяка, вина и шампанского. Что же... Тоже неплохо. В гостиной набилось столько людей, что в глазах рябило. Вчера мы с парнями наконец нашли хорошее помещение для репетиционной базы. Я оплатил сразу на год вперёд, и к вечеру мы перевезли всё, что у нас было: инструменты, примочки и, само собой, отметили ящиком холодного тёмного пива. Материала было достаточно. Я прикинул, что мы можем уже сейчас собрать песен двадцать, но сперва нужно было сыгаться, а для этого придётся попотеть.

— Вот ты где.

— Привет, — протянул я отцу руку. — С полтосом.

— Спасибо.

— Ты знаешь... Я без подарка. Хотел бы преподнести тебе что-то этакое, но что — в душе не ебу. У нас с тобой кардинально разные взгляды на полезные вещи.

— Спасибо, что приехал, — ответил он максимально сдержанно. — Этого достаточно.

Мне было недостаточно. Только батя бы не оценил, если бы я записал ему хороший трек. На сцене собрался оркестр человек в тридцать, и все они старательно выводили свои партии.

— За тебя, — я приподнял стакан.

Отец кивнул. Я хлебнул коньяк.

— Пойдём, — показал он на гостей.

Мне идея знакомств с его друзьями пришлась не по нутру. Но я пошёл с отцом. По дороге он пожал руки двум лысым дедам с бородками. Разница между ними заключалась в размере — один был в два раза шире, как и их спутницы. Роль сына давалась так себе, но я покивал.

Оркестр выдал нечто громкое и торжественное, после чего опять зазвучал тише. Я взял новый коньяк.

— Руслан, — окрикнул он какого-то мужика.

Тот обернулся, и я узнал его.

— Мой сын хочет принести тебе свои извинения за тот случай в клубе.

О-па.

Мужик смотрел хорьком. Рядом с ним стояла «училка». В сером платье, скрывающем её до ног, и с волосами, убранными в тугий пучок. Хорошо хоть водолазку сняла. При свете волосы её были светлее, а глаза больше.

— Точно, — я приподнял стакан. — Приношу глубокие извинения. — Развернулся к отцу. — Я уже извинялся, пап, но повторю. Прости! Ты столько бабок вложил в мои занятия по боксу, а я, чёрт, не завалил этого. Стоит целый. Мог же его размазать и дело с концом. — Повернулся к побелевшему от ярости мужику. — Как ты там? Калашников? Типа, крутой член. Не, дядя, ты не крут. Я просто был не в форме, так что, дядя, сорян. Приношу вам свои самые искренние и глубокие извинения за то, что не уделал, как Бог черепаху. — Я отвесил ему поклон. — Простите великодушно.

Распрямившись, я перехватил взгляд «училки». В её глазах была улыбка. Бля-я-я! Я завис. Она отвела взгляд, но она же, пошло всё к чертям, улыбалась своими учительскими глазами.

— Простите, Руслан Сергеевич, — ровным голосом выговорил отец.

— Всё в порядке, — ответил тот. — У меня самого пятилетний сын. Я понимаю.

Отец кивнул.

— Жду тебя у себя в кабинете, — сказал он и отошёл.

Калашников тоже ушёл, оставив «училку». Музыканты затянули нечто невнятное и такое же скучное, как жвачка, которую жуёшь уже второй час. Я разглядывал её, пока она не улизнала. Была тут и о-па — между нами прошли люди. Она растворилась, как будто и не было.

Отец ждал в кабинете. Здесь, как и семь лет назад до того, как он сослал меня в Штаты, воняло лицемерием.

— И что? — спросил я, зайдя. — Сделаешь а-та-та?

Он наградил меня тяжёлым взглядом.

— Я просил.

— Что просил? Быть вежливым с ублюдком? Извини, отец, забылся. Наверное, коньяк у тебя хороший... — наклонил почти пустой бокал. — Вот что мне интересно, так это как тебя блевать от самого себя не тянет, а? Тебе нормально, скажи? Этот хер свою жену ни во что не ставит, но ты за него горой. Как тебе, па? Нормально? По ночам хорошо спишь?

— Замолчи! — он взревел так, что стёкла в окнах задрожали. Ударил по столу ладонью. — Ты рушишь всё, что я построил! Всё! Да, мне иногда приходится прогибаться! Но так нужно! И нужно ради семьи! Чтобы мы жили достойно! — он опёрся обеими руками о стол.

Я подошёл и опёрся с другой стороны.

— Достойно — это как? Жопу лизать ублюдкам? Это достойно?

— Это так, — процедил отец, — чтобы исполнять свои обязательства перед теми, кому ты эти обязательства дал. Это семья! Прежде всего — семья! Но ты делаешь всё, чтобы мои

усилия свелись на нет! Что ты хочешь?! Показать, что не такой?! Что лучше меня?! А что у тебя есть, чтобы быть лучше меня?! Что?! Самомнение?!

— Я хотя бы не вру! И не делаю то, что мне поперёк глотки!

— Ты — щенок, — отец схватил меня за ворот. Притянул к себе.

Я упёрся ему в плечо, но он не разжимал пальцы.

— Ще-нок, — процедил он. — Ты не знаешь ничего. Надо было пороть тебя в детстве, глядишь, уважение бы появилось. Хоть бояться бы стал.

Я отшвырнул его руку.

— Бояться? Отличный способ!

Он сжал зубы. Я сплюнул под ноги, взял поставленный на стол коньяк, прикончил и поставил бокал обратно. Отец прожигал меня взглядом. Я усмехнулся. А я-то думал когда-нибудь рассказать ему про «Запасной выход». Фак ю, батя!

— Желаю тебе избавиться от мишуры, — процедил и открыл дверь.

— Амир...

Мама отошла на шаг.

— Сын, ты...

— Не сейчас, — огрызнулся я и вылетел в зал, где оркестр тянул очередную мелодию, больше подходящую для поминок, чем для дня рождения.

— Дай пройти, — отпихнул хмыря в чёрном смокинге.

Отцу нужно было не детей заводить, а взять бревно и сделать себе Буратино.

Эта семья сгнила изнутри, и пафосный оркестр не уберёт гнилостную вонь. На меня смотрели.

— Что тарацишься? — бросил мужику с козлиной бородкой. — Ты кто, вообще, такой? Моего отца знаешь или пришёл, потому что надо?

Он закудаhtал.

— А кто я, знаешь? Не знаешь... Отец не сказал. А я его сын.

Он как в рот воды набрал. Внештатная ситуация. Дирижёр размахивал палочкой, руководя музыкантами. Пора было внести хоть каплю настоящего. Я повернул обратно. Дошёл до сцены и, ступив на неё, отобрал у дирижёра палочку.

— Простите... — ошеломлённо проблеял он.

— Прощаю. Вы не переживайте, я папу поздравлю и уйду. Минутку.

Мучавший гитару мужик в недоумении вытаращился на меня. Остальные тоже перестали играть, только вобла за фортепиано не остановилась.

— Что у вас тут за скукотища? Это же день рождения! Юбилей! Давайте, ребята! О-па! — хлопнул в ладоши. — Давайте! А ну, одолжи-ка инструмент, — я забрал у мужика гитару и ударил по струнам.

— Давайте дружно.

Хэппи бёрсдей, батя, Хэппи бёрсдей, батя!

Я ударил по струнам ещё раз.

Гости окаменели. Выставка восковых фигур, блядь, во всей красе.

— Вы чё такие прибитые? Давайте, рожи попроще. Ну?

Забацал пару ярких аккордов и встал ближе к микрофону.

Хэппи бёрсдей, папаня,

Отметь с коньяком в стакане,

Желаю тебе всех поиметь,

Даже если пора стареть.

Только хрен ты поимеешь меня,

Потому что моя жизнь — моя.

Хэппи бёрсдей, папаня, ту-ю.

Принимай поздравленья от своих лицемеров, а я, пас, — валю.

Сунул гитару обратно.

— Спасибо, приятель, — похлопал его по плечу. — Развлекайтесь дальше. И поживее давай, поживее. Забачай КиШа, что ли.

Гости расступились. В кармане настырно звонил телефон. У кого зудит? Сбросил вызов.

— Хороший коньяк, дядь, — взял со столика, мимо которого проходил, бокал. — По возрасту, наверное, как ты.

Дед в очках округлил глаза, а в груди его необъятной спутницы что-то заклокотало.

— Тихо, тихо, Наташа, — он стиснул её руку.

— Сборище идиотов, — процедил я и наконец оставил зал с притихшей толпой.

Аля

— Куда собралась?

От раздавшегося за плечом голоса Руслана я вздрогнула. Только что он обсуждал что-то, и дела ему до меня не было.

— Я... В уборную. На пару минут, Руслан. Куда я ещё могу пойти?

Он словно оценивал, говорю я правду или нет. Сканировал меня. Первые годы я терялась от этого, и он считывал меня. Никто не замечал перемен в нём — он был предельно тактичен в разговорах, смеялся, говоря с людьми, которых я не знала, но после разговора с сыном юбиляра внутри него бесился зверь.

— Рус, — чуть протянула я. — Ну что ты в самом деле? Мне просто нужна уборная.

— Хорошо. Но потом возвращайся сюда. Ты можешь мне понадобиться.

— Вернусь. Куда я ещё денусь?

Он кивнул. Я не уходила.

— Хочешь шампанского? Если хочешь, можешь выпить бокал.

— Спасибо, я подумаю.

Он снова кивнул.

— Руслан, — позвал его кто-то. — Не ожидал тебя тут встретить. Здравия желаю, — мужчина протянул ему руку, и муж пожал её.

На его губах появилась улыбка. Одна из тех, за какими ничего не скрывается.

— И тебе того же, Михаил.

Я вежливо поздоровалась, получила в ответ тактичный кивок и бесцветный комплимент.

— Как раз хотел тебе звонить, — соблюдая условности, вернулся мужчина к разговору с Русланом. — Ты как? Настроен на серьёзные темы или отложим?

— Ты же меня знаешь. Я всегда настроен.

— Так и предполагал.

Они отошли от меня. Хорошо, что Руслан не обратил внимания на телефон. На всякий случай я прикрыла его накинутым на плечи палантином. Оркестр играл, словно ничего не произошло, но гости перешёптывались. Юбиляр появился среди гостей и быстро исчез. Я видела, как Амир, вернув гитару, остановился у столика, как взял коньяк, как достал и положил телефон. Тот самый, который я теперь прятала в палантине.

На меня никто не обращал внимания.

Этот парень хорошо играл на гитаре. Или мне показалось, что хорошо. Сама я ничего не понимала в музыке. Бунтарь. Я бы никогда не осмелилась на такое.

У выхода из зала я убедилась, что Руслану не до меня, и свернула.

Отдам телефон... Просто... Я хотела его увидеть.

На улице горели фонари, но Амира я не видела. Прошла к парковке, но и там его не было. Глупая и ненужная затея. Лучше вернуться в дом и не провоцировать Руслана. Развернулась и вскрикнула — прямо передо мной кто-то стоял.

— Ты меня преследуешь?

— Зачем... — я пришла в себя.

Амир смотрел на меня в упор, а я едва различала черты его лица — на него падала тень.

— Зачем мне тебя преследовать?

— Откуда я знаю? Девчонки всегда бегают за крутыми парнями.

— Я ни за кем не бегая. Просто...

Он посмотрел на мои губы, на шею, на грудь и ниже. Палантин не спасал, я казалась себе раздетой.

— Скажи мне, почему такие скромницы вечно выбирают в мужья богатых мудаков? Тебе по кайфу? На сколько он тебя старше? Лет на двадцать? Трахаешься с ним ради этих брюликов? — он поддел пальцем колье у меня на шее. — Оно реально того стоит?

Рука сама взлетела в воздух. Шлепок был громким, ладонь заныла. Голова Амира дёрнулась, а когда я снова увидела его глаза, они дьявольски блестели, и мне стало жутко.

— Ты ничего не знаешь, — только и успела процедить я.

Он подался ко мне. Резко, импульсивно. Я отшатнулась назад и вжалась в машину.

- Не...

Амир обхватил ладонью мою шею и впился в губы. Я ахнула, и его язык оказался внутри. Он целовал меня резко, грубо, глубоко, не давая сделать ни единого вдоха. Прижимался ко мне так тесно, что я не могла двигаться. Только чувствовала его — его напряжённое тело и откровенную эрекцию. Он обхватил меня крепче, поцелуй стал яростным. Укус, и лёгкая боль превратилась в дрожь, а низ живота сладко потянуло. С вдохом я уловила его запах, и голова поплыла. Тот самый запах опасности, сигарет, бергамота...

Резкий гудок вырвал меня из забытия, в которое я стремительно проваливалась. Я оттолкнула Амира, и он шагнул назад.

Фары нашей машины мигнули.

— А ты ничего такая, училка, — просипел он.

Он было хотел дотронуться до моих волос, но я отошла.

Гудок раздался снова. Повернув голову, я увидела, что мигают фары нашей машины.

Я была как в тумане. Что-то стало выскальзывать из трясущихся пальцев. Телефон... Пихнула его Амиру в руки.

— Свой номерок вбила?

Я сорвалась с места. Земля уходила из-под ног, вкус его губ было ничем не заглушить. Ветер казался особенно холодным, лицо пылало.

Только я дошла до машины, с другой стороны появился Руслан. Сердце упало в пятки, я бросила на Андрея умоляющий взгляд, но водитель не показал ни единой эмоции. Я дрожала снаружи и изнутри, губы пылали. Я боялась, что муж что-нибудь поймёт. Быстро посмотрела на него, но он меня словно не видел. Взгляд его был направлен на Амира, а тот стоял, оперевшись ладонью о капот машины и нагло наблюдал за нами. Его кожаная куртка была расстёгнута, под ней — тёмная футболка.

— Мы уезжаем, — сказал Руслан. — Можешь садиться в машину. Я сейчас подойду.

— Ты куда? — я коснулась руки мужа. — Успокойся, Руслан. Если ты из-за его дурацкой выходки — не надо.

Я должна была удержать его. Только бы он не пошёл к Амиру! Только бы Амир ничего не сказал!

— Ты его защищаешь?

— Нужен он мне больно. Просто не хочу, чтобы ты реагировал на глупые выходки глупого богатого паренька.

У меня всё внутри сжалось, когда он всё же пошёл к Амиру.

— Аля Викторовна, садитесь, пожалуйста, — Андрей открыл дверцу шире.

Я не могла заставить себя — смотрела в спину Руслану и нервно сжимала палантин.

Амир

Её освещал фонарь сбоку парковки. Свет падал на плечи, укрывая, как второй палантин. Отличный лирический образ для сопливого хита. Видок у её мужа был тот ещё. Рожу перекосило от злости.

— Ещё раз увижу тебя рядом с моей женой, — сказал он сквозь зубы, остановившись в нескольких сантиметрах, — твоему отцу тебя привезут. Будешь ты при этом дышать или нет, я ещё не решил.

— Что-то уверенность в себе тебя подводит. Думаешь, она хочет острых ощущений? Если так...

Он схватил меня за куртку.

— Я не шучу. Шуточки не в моём характере.

Он отпустил меня. Я поправил куртку и окинул хмыря взглядом.

— Это заметно. Сочувствую.

Я открыл машину. Он развернул меня к себе, но на этот раз я стряхнул его руку.

— Не приближайся к ней.

— Если что, это она пришла вначале в мой клуб, теперь — в мой дом. Что-то у тебя с пониманием плохо. Включи мозги.

Он заскрипел зубами, но мне это было не интересно. Телефон снова звонил. Я завёл двигатель и сдал назад. Было желание размазать Калашникова по асфальту. Хотя бы зацепить. Пришлось оставить его неудовлетворённым, как и другое — появившееся резко и неожиданно для меня самого.

Опустил стекло и включил на всю музыку. Так-то лучше. В зеркале отразился силуэт девушки в сером платье. Волосы у неё мягкие. Лучше шёлка. И голос... Она просто говорила, её губы шевелились, только ощущение было, что она запустила руку мне в штаны.

Сама дура — выбрала бабло, пусть терпит этого пидора.

Глава 6

Амир

— Стоп! Только я слышу, что барабаны и бас живут отдельной жизнью?

Ван крутанул в руке барабанную палочку.

— А ничего, что это третья репа? Может, сразу замутим концерт в Лужниках?

— Хорошая идея.

— Идея хорошая, но сперва расскажи об этом организаторам, — Ник сел на диван и положил бас на колени. — Представляю. Заходит Амир с ноги и выкладывает амбициозный план по захвату мировых концертных площадок. Я представляю лица организаторов.

Димон подал Нику банку пива. Тот открыл, отхлебнул и поморщился.

— Тёплое, сука. Надо сюда холодос организовать.

— Перебьёшься, — ответил я, понимая правоту парней, и взял телефон. Звонил брат. — Привет, у тебя что-то важное?

— Амир, забери меня.

— С чего это?

— Я больше не могу это терпеть! Меня бесит! Я не хочу заниматься танцами! У меня...

— Так, стоп, Рустам. Сопли подбери и давай по порядку.

Группа заткнулась. Лица у них были немногим лучше лиц воображаемых организаторов в момент, когда я зашёл к ним, открыв дверь с ноги. Ван отложил палочки и тоже открыл банку гиннеса. Брат всхлипнул в трубку — что на него было непохоже. Я снял гитару и поставил на подставку.

— У меня важное дело. Я сказал маме, что сегодня не поеду на танцы, но она меня всё равно отвезла и сказала, чтобы одного не отпускали. Меня только кто-нибудь из семьи может забрать.

— Понял. Буду через полчаса. Терпишь?

— Угу, — прогундосил он.

Закончив разговор, я посмотрел на парней. С репы уходить, конечно, не дело, но брат у меня один.

— Я туда и обратно. Заберу Рустама и вернусь.

— Не парься, — отмахнулся Ван. — Без тебя справимся. Ты прав, нам с Никитосом нужно поиграть вдвоём, наладить ритм. Ты для этого не нужен.

— Но с тебя холодос, — добавил Ник.

— Ок, замётано.

Оставив группу, я вышел на улицу. Апрель заканчивался моросящим дождём и гоняющим мусор ветром. К ноге прибилась выцветшая бумага, но новый порыв погнал её дальше. Помещение под базу предложил мне знакомый знакомого, с которым я зависал в Нью-Йорке. По сути, это была одноэтажная звукоизолированная пристройка к зданию, в котором находилось хрен знает что. Большая комната, санузел и нечто вроде кармана со стеллажами для хлама.

Я сел за руль и моргнул фарами. Вахтёр открыл ворота — бонус: закрытая территория и свободная парковка. В целом, неплохо для старта. Лужники?

Интересно, что бы сказал отец, если бы увидел меня на сцене «Лужников»? Что я его разочаровал? Разумеется. Уж точно не то, что он мной гордится.

Студия, где занимался брат, была защищена, как военный объект — рамки на входе и угрожающего вида охранник. Я предъявил паспорт, но верзила всё равно смотрел на меня, будто я явился обесчестить его дочурку.

— Туда или туда? — показал я на два коридора. — Я тут первый раз.

— Направо.

— Ок.

По пути мне встретились две девочки-подростка лет по четырнадцать. Одна стрельнула глазами и улыбнулась, вторая покраснела.

— Привет, девчонки. Мне нужен класс бальных танцев. Куда идти?

— До конца. Около двери стоит безвкусная ваза, не промахнёшься, — ответила первая. Осмотрела меня. — А ты клёвый, я тебя тут раньше не видела.

— Может, ещё увидишь.

Я подмигнул им и пошёл дальше. А может, и не по четырнадцать, может, и больше... Ник как-то говорил, что нужно быть осторожным. С виду одно, по паспорту другое. До меня дошло, что он имел в виду.

Что было однозначно — безвкусная ваза. Я заглянул в класс. Предо мной предстала спина высоченной женщины с гулькой на голове.

— Рустам, чётче! — провозгласила она.

— Простите, — сказал я. Но голос мой растворился в её очередном возгласе. Я кашлянул. Брат заметил меня и просиял, а заодно и чуть шею себе не свернул.

— Рустам! — прикрикнула тренер. — Что с тобой сегодня?! Твоя партнёрша...

— Извините, пожалуйста, — проорал я, и тренер предстала предо мной своим изумительным ликом: нос, как у Бабы Яги, высоченный лоб и пухлые губы. Ещё и брови, как две жирные гусеницы.

— Здравствуйте. Я за Рустамом приехал.

— У Рустама тренировка.

— Я в курсе. Но сегодня тренировку он не закончит. Я должен отвести его в инфекционную клинику. Понимаете, у нас дома племянница гостила, вчера уехала. А сегодня тётя позвонила — Машку обсыпало. Ветрянка. Рустам у нас не болел в детстве, так что поедem проверить.

Огромные брови тренера поползли вверх, рот приоткрылся и закрылся. Рустам несмело прошёл через огромный зал.

— Я пойду, Виктория Алексеевна?

Виктория Алексеевна напряжённо кивнула. В классе царило молчание, только девочка, с которой занимался брательник, выглядела крайне недовольной.

— А я что буду делать? — спросила она требовательно. — Мне что, с веником танцевать?

— Простите, что прервали тренировку. — Я толкнул Рустама к двери. — Хорошо вам потренироваться. А мы поедem. Анализы, все дела...

Я закрыл дверь и потащил брата к выходу.

— Подожди, надо переодеться.

— Точно. Только быстро, Рустам. Пока эта курица не поняла, что к чему.

— Нафига ты про ветрянку сказал?

— Могу пойти и сказать, что ты в порядке и что просто хочешь свалить. Но твоя мать, которая оплачивает твои занятия, этого не одобрит. Хочешь?

— Нет.

— Я тоже так думаю. Так что давай, быстро надевай нормальные штаны и валим.

— Мила, поторопись. Мы опаздываем. — вдруг услышал я знакомый голос.

Показалось?

— Я тороплюсь.

— Не торопишься. Если бы...

Я развернулся. Моя училка держала за руку девочку с длинными светлыми волосами и смотрела на меня. Смотрела, не сводя взгляда.

— У тебя красивые глаза. Голубые?

— Мам, мы опаздываем, ты сама говорила. — Девочка потянула её к раздевалке, но «училка» не пошла.

— Мы идём? — спросил Рустам. — Это кто?

— Да так... Училка.

— Чья училка?

Я усмехнулся. В её глазах появился огонёк. Злитесь, что ли?

— Начинай переодеваться, — она отдала девочке сумку и открыла дверь. — Я сейчас приду, помогу.

Сегодня на ней было бежевое платье. Волосы снова убраны в гладкую причёску, на ногах — туфли-лодочки. Зато девчонка в яркой кофте и в модных джинсах с цветочной вышивкой.

— Может, это ты меня преследуешь?

— Вообще-то, я пришёл первым.

Воцарилось молчание.

— Амир, поехали, — потребовал Рустам. — Мне нужен комп.

— Твой комп не потерпит пять минут?

— Не потерпит.

Она всё стояла. Я вдруг понял, что на её лице совсем нет косметики. Только к щекам прилил румянец. Я подошёл.

— Понравился поцелуй? Девчонки говорят, я отлично целуюсь.

— Я не люблю целоваться. Это извращение. Отстань от меня, я должна...

— Сестре помочь переодеться? Подождёт.

— Дочери, — резко ответила она. — И ждать она не будет. Точно не из-за тебя.

Она почти улизнула. Но я успел схватить её за руку. Сам не знал зачем. Злость в её глазах зацепила. Её неприступный вид тоже.

— А на парковке ты дрожала, — прошептал я, склонившись к её уху. — Тебе понравилось. Очень понравилось.

Она выдернула ладонь.

— Ты ошибаешься.

Дверь хлопнула. Я перехватил взгляд брата и показал ему, чтобы он шёл вперёд, а сам задержался ещё на пару секунд. Прислушался к голосам из раздевалки.

Похоже, мы ещё увидимся, детка в бежевом.

В машине Рустам попросил отвести его туда, где есть компьютер. Когда я уезжал, ему было пять, и он разве что под стол пешком не ходил. Сейчас это был пацан почти с меня ростом. Я газанул от студии — на всякий случай.

— Я больше туда не пойду, — отрезал Рустам.

— Попробуй. Тебя живьём закопают и с говном сожрут.

— Попробую! — заявил он с нажимом. Будто это я его засунул на балльные танцы. — Мне не нравится! Я ненавижу танцы, ненавижу эту тренершу и эту дуру, с которой меня поставили в пару! Она заносчивая обезьяна!

— Да ладно. Вполне симпатичная девчонка.

— Ничего она не симпатичная! — вспыхнул Рустам.

Я усмехнулся. Погоню за нами не объявили, формальности соблюдены — Рустама забрал брат.

— Хочу тебе сказать, что балльные танцы — не самое плохое, что могло с тобой случиться. Тебя мать туда засунула?

— Да.

— Представь, что она могла отправить тебя играть на флейте или лепить глиняные горшки. Помнится, она всегда любила декоративные растения. Как тебе кружок садоводства?

Он фыркнул. В какой-то мере мне повезло родиться первым. На мне свои желания отрабатывал отец, Рустам достался матери.

— Комп тебе зачем?

— У меня в игре важный бой. Я должен быть онлайн.

— И что, без тебя никак? То есть ты выдернул меня с репы, свалил с тренировки, мы сейчас гоним туда, где есть комп — и всё это ради игры?

— Ты не понимаешь! — он повысил голос. — Я — лидер. Без меня они не справятся!

— Ну не то чтобы не понимаю...

— Не понимаешь! Это не просто игра — это как... как... Я не знаю, как это объяснить.

— Компьютерная зависимость.

— Нет! Мама так говорит! Это просто важно! Я не играю просто так — я геймер.

Я присвистнул. Вот что-то, а компьютерные игрушки прошли мимо меня. Но был у меня в Штатах знакомый паренёк. Компьютерщик и геймер в одном невзрачном флаконе. Бабки заколачивал такие, что закачаешься. Настроит, починит, сделает всё, как надо.

— Как понимаю, комп нужен мощный?

— Угу. — Он заметно погрузтел. — Она мне мой не дала взять.

— Разберёмся, — ответил я и добавил скорость.

— Давай вперёд, — скомандовал я, припарковавшись у компьютерного клуба.

Брату повторять дважды было не нужно. Он вылетел из машины и бросился к двери. Я припарковался дальше.

Получается, она водит дочь в ту же студию. Что за нелепое совпадение?

У неё красивая дочь. Пальцы обожгло желание распустить дурацкий пучок. Интересно, её волосы так же отливают золотом?

Когда я зашёл в клуб, брат разговаривал с администратором.

— Всё в порядке, — улыбнулся я пухленькой девушке с веснушками. — Нам самый мощный агрегат, колу и американо с молоком. И ещё два батончика с арахисом.

— Извините, я просто подумала, что мальчик один. И...

— Сказал же — всё в порядке.

— Седьмой столик. Через минуту всё будет работать.

Рустам снова сорвался с места.

— У вас прелестные серёжки, — сказал я и направился за ним.

Он с нетерпением ждал, когда компьютер разблокируют, и, как только это произошло, надел наушники вдвое больше его головы. Его ладонь опустилась на мышку, взгляд стал сосредоточенным. Пальцы задвигались с той же ловкостью, с какой я перебирал струны гитары. На мониторе появилась заставка.

— Отлично, — шепнул он. — Я пришёл, ребята. Теперь мы их сделаем. Ещё на чемпионат поедem.

Я наблюдал за ним, пока девушка не принесла кофе, колу и батончики. Но Рустаму было не до того. Она улыбнулась.

— Брат?

— Брат, — подтвердил я, почему-то испытывая гордость. — Он хорош в своём деле. Без него его команда не справится.

Глава 7

Амир

Рустам открыл вторую банку колы и взял кусок пиццы, которую мы купили по дороге. Я тоже взял кусок и опёрся о столешницу.

— Отличная пицца.

— Угу, — жуя, промычал Рустам.

— Ты красавчик. В жизни бы не подумал, что ты настолько хорош в игре.

— Это ещё так. Были не самые сильные соперники. Мы легко их сделали.

Я хмыкнул. Глаза брата горели, аппетит был волчий. На юбилее отца он, одетый в костюм, казался идеальным сыном семьи. Сегодня я видел парня с характером.

— Давно играешь?

— Три года. Это мало.

— С какой стороны посмотреть. Дай пас, — показал я на банку коки, и он кинул её мне.

Я поймал, щёлкнул ключом.

— За твою победу.

— Это была командная игра.

— Тогда за твою команду.

— Можно я ещё возьму?

— Можешь не спрашивать.

Он взялся за следующий кусок. Свою первую гитару я выиграл в споре. По какому поводу, не помню, а гитара была хорошая, хоть и простая акустика. Друзья знали, что ввязываться со мной в спор — значит, проиграть, а пришлый парень в нашей тусовке решил поумничать. У него была нормальная мобила и гитара. Я взял гитару. Потом сам купил вторую, которую можно было подключить к комбику. Там понеслось...

— Я хотел сказать спасибо. Если бы ты мне не помог, я бы подвёл всех.

— Не за что. Только если тебе в следующий раз понадобится моя помощь, просто позвони. Без соплей. Оставь это девчонкам.

Я протянул ему раскрытую ладонь, и он ударил по ней.

— Замётано.

Я потянулся за пиццей, игнорируя телефон. Всё было бы идеально, если бы не мать. Она названивала с маниакальным упрямством. Сообщение, что у нас всё ок, её не устроило. Выедать мозг — её всё. Рустаму повезло — его телефон сдох.

— Поставить твой на зарядку?

Брат поморщился, но телефон протянул.

— Рано или поздно, тебе придётся выслушать о себе всё, что они думают о тебе. Прости, но здесь я тебе не помощник.

— Да знаю я. Но достали. Исполнится мне восемнадцать и свалю, как ты.

— Ты попутал. Я не свалил — меня отец отправил учиться на юриста. Но плюс в том, что Россию и Штаты разделяет океан. Если делать всё, как надо, можно заниматься тем, чем тебе надо.

— И чем ты занимался?

Мозг у Рустама работал. Сразу просёк, что меня удерживала не тяга к юриспруденции.

— Музыкай.

— Вау.

Разговор прервал стук в дверь. Мы синхронно повернулись, и Рустам нахмурился. Предположений, кто бы это мог быть, было несколько. Но будь у меня фишки, я бы поставил на чёрное.

— Не открывай.

— Не пойдёт.

Я допил колу и засунул в рот остатки куска пиццы. Рустам сжал губы, как это делал отец. Брат был похож на него, но, исходя из того, что я узнал за этот день, чисто внешне.

Второй раз в дверь постучали настойчивее. Я открыл и наткнулся на гневный взгляд матери.

— Это перешло всякие границы, Амир! — выдала она с порога. Достаточно спокойно, если не считать металла в голосе. — Где Рустам?!

— Я же сказал — он в порядке.

— Что значит «в порядке»?! Ты увёз его, наговорил непонятно чего Виктории...

— Почему непонятно? Я вполне ясно объяснил, что мы едем в клинику. С ветрянкой, знаешь ли, шутки плохи.

Она посмотрела долгим взглядом. Покачала головой, дав мне понять, что в очередной раз разочарована.

— Пропусти меня.

— Да пожалуйста.

Войдя, она осмотрела квартиру.

— Как ты тут живёшь? — снова разочарование.

— Да вот... как-то живу. Мне нормально.

— Хотя, с кем я говорю.

— Вот именно, с кем ты говоришь?

— Собирайся, Рустам. Поговорим дома. — Коробка с пиццей ей не понравилась, как и моя незаправленная постель. Банка с колой тоже не привела в восторг.

Я открыл холодильник.

— Хочешь? — предложил ей. — А да... ты же пьёшь только минералку, холодный чай и белое вино. Извини, вода только из-под крана. Но она фильтрованная. Видишь, я в козлёнка не превратился.

Мама смотрела тем же взглядом, что и на пороге. И молчала. Это была её фишка — смотреть и молчать, чтобы я в полной мере оценил всю степень её разочарования. Под взглядом отца я должен был чувствовать себя дерьмом, под её — дерьмом виноватым.

Пока учился, в Россию я прилетал всего три раза. Последний — два года назад. Отец за это время не изменился, а она немного похудела. Но, как обычно, выглядела безупречно.

— Мне пришлось объяснять директору студии, что у Рустама нет племянницы. И тем более ни о какой ветрянке речи быть не может.

— Объяснила — хорошо.

— Да, хорошо. — Короткая пауза. — Ещё я предупредила, чтобы больше Рустама с тобой не отпускали ни при каких обстоятельствах.

— Ну, мам! — возмутился он.

— Ты вообще молчи, — отрезала она гневно. — Амир, что для тебя нет ни рамок, ни авторитетов, мы с отцом уже поняли. Когда-нибудь и ты поймёшь, что нельзя жить исключительно по собственным законам. Есть семья, есть долг и есть ответственность. Именно это должно быть на первом месте.

— Да-да, я это уже слышал. Раз... — Я задумался. — Не сосчитаю, прости. Плохо у меня с устным счётом, когда дело касается цифр длиннее пятизначных.

Она вздохнула.

— Где твои вещи? — спросила у Рустама.

— В машине у Амира.

— Хорошо. Значит, Амир подвезёт нас. — Повернулась ко мне. — Надеюсь, ты не занят?

— Не занят.

Она вышла первой, мы с Рустамом за ней. Вид у брата был унылый. Я легонько толкнул его локтем.

— Не кисни. Что-нибудь придумаем.

В машине было угнетающе тихо. Только я включил музыку, мама попросила, чтобы я выключил, потому что у неё болит голова. Я выключил. Из-за опущенного стекла ей стало холодно, и я поднял его. Я хотел закурить, но отложил пачку. Я остановился возле дома неподалёку от центра.

— Тут?

— Да, спасибо, — ответила она. — Пойдём, Рустам.

— Я могу отвезти брата. Нет проблем.

— Не нужно. Мы ненадолго. Спасибо, что подвёз.

Она открыла дверь и вышла. Рустам задержался. Я успел перехватить его взгляд в зеркале заднего вида.

— Ты реально молодец. Выход всегда найдётся, нужно только приложить усилия.

— Угу, запасной, блин, — он потянул за собой сумку.

— Может, и запасной.

Рустам догнал мать, и уже через несколько секунд они скрылись за дверью. Запасной выход. Да, именно так.

Посидев с минуту, я решил прогуляться до магазина на другой стороне улицы. По моим расчётам первый месяц мы убьём на притирки. Одно дело вместе зависать, другое — делать музыку. Стоило подумать о группе. Ник скинул голосовушку. Но это оказалось не сообщение, а запись куска репетиции.

«Неплохо», — набрал я и отправил ему. Реально — звук стал увереннее.

Взяв бутылку ледяной минералки и сигареты, я пошёл обратно. Закурил на ходу, всё думая, как выгнать Рустама из танцевальной каторги. Мать умела настаивать на своём. Если отец сразу брал быка за рога, она добивалась своего удручающе медленно. Но результат был один.

Уже перейдя дорогу, я увидел тугой пучок. Солнца не было, и он не переливался. Аля?

— Мне Руслан позвонил, — сказала она кому-то, прижимая к уху телефон. — Да... Он сказал, что едет. Будет примерно через полтора часа... Андрей, он сказал, чтобы я была дома... Нет, срочно... — Она долго молчала. — Хорошо... Да, я поняла... Хорошо... Нет, в порядке...

Закончив разговор, она стала водить по экрану пальцем.

Я тихо подошёл к ней ближе и наклонился к уху.

— Ам...

Она подпрыгнула и развернулась всем телом. Её глаза были безразмерными, губы бледными.

— Ты придурок?! — закричала она срывающимся голосом. — Ты... ненормальный!

— Да ладно. Весело же. Шутки не понимаешь?

— Не понимаю!

— По тебе заметно.

Она вдохнула и выдохнула.

— Дурак.

Я показал на машину.

— Давай подвезу.

— Не надо меня везти. И вообще, откуда ты тут взялся?

— Как откуда? Ты сама меня преследуешь.

Работа мозга отразилась на её личике. Она усердно анализировала мои слова.

— Ха-ха. Смешно. Я оценила.

— Ну вот, а говоришь, шуток не понимаешь.

Взгляд её упал на мою машину. Теперь она её заметила и даже, кажется, узнала. Я нажал на брелок, и двери разблокировались.

— Я слышал, что тебе надо домой. Не подслушивал, — предупредил я её возмущения. — Просто услышал. Я свободен, тебе нужны колёса... — открыл дверцу и сделал приглашающий жест.

Она смотрела с сомнением.

— Я могу вызвать такси.

Она так и держала телефон. Из-под лёгкого весеннего пальто виднелся край бежевого платья, на ногах были те же лодочки, что и днём. Она снова стала водить по дисплею пальцами. Я сделал большой шаг к ней и выхватил телефон.

— Не можешь.

— Отдай! — она кинулась ко мне, но я убрал его за спину. — Амир, отдай его, — пытаюсь дотянуться, она прижалась ко мне.

Всего на секунду. Поняла, как близко ко мне, и дёрнулась назад.

— У тебя два варианта. Первый — пойти пешком. Второй — поехать со мной. Есть ещё третий, — я проводил взглядом проехавшую машину. — Ты можешь поймать попутку. Но, исходя из предложенного, твой ответ очевиден.

Она медлила. Потом всё же подошла к машине. Когда она села, я захлопнул дверцу.

— Ты всегда добиваешься своего всеми возможными способами? — спросила она, когда я сел рядом.

— И невозможными тоже.

— Телефон отдай, — попросила она, когда мы отъехали.

— Приедем — отдам.

Она скрестила руки на плотно сдвинутых коленях. Длинные пальцы с аккуратным неброским маникюром портило одно — кольцо, переливающееся камнями. На них Калашников не скупился.

— Адрес говори.

Она продиктовала. Чисто адрес, ничего лишнего.

— Кстати, что в этом здании находится? — спросил я, прикидывая, включить музыку или нет. Можно было сделать тихо, но какой кайф? А вот послушать её голосок — кайф тот ещё.

— Ты же зачем-то приезжал. Сам должен знать.

— Я просто подкинул одного человечка.

— Вот бы и спросил у него.

— Не было желания разговаривать.

— А теперь, я смотрю, появилось? — она наконец повернулась ко мне.

Рассматривала, я мог поспорить.

— А теперь появилось. Так что? Или там нечто такое, о чём скромные девочки вслух не говорят?

— Офис одного фонда, — сказала она чопорно. — Я приезжала туда. Куда приезжал тот, кого ты привозил, понятия не имею.

Офис фонда? Если какого-нибудь благотворительного, вроде «скинемся по рублю и будет голому рубашка», то это вполне в стиле моей матери. Странно, что она мне не объявила, что едет спасать детей от голода или вроде того. У меня же, по их с отцом мнению, эмпатия, как у варана — то есть отсутствует.

— Ну да, хорошая девочка должна быть хорошей со всех сторон.

— А плохой мальчик — плохим.

Я повернул голову. Наши взгляды пересеклись, но она быстро отвернулась. Её пальцы сжались на ремне сумки.

— Почему ты всё время ходишь с этой дурацкой причёской?

— Тебя забыла спросить, как мне ходить.

— Слушай... А и правда забыла. Короче, распусти волосы, надень розовое бельё, а ещё лучше — красное. Знаешь, такое...

Она вцепилась в ручку.

— Останови машину, отдай мне телефон, и я вызову такси.

— Этого в предложенных вариантах не было.

— Тогда найду попутку! — с горячностью выговорила она. — Не хочу слушать твои шутовские шутки.

— Кто тебе сказал, что это шутки?

— Тогда тем более! Я замужем, у меня двое детей, и меня подкаты богатых мажориков не интересуют.

— Облом, — констатировал я, притормаживая на светофоре.

Она подёргала дверь. Решила, похоже, что я её высажу. Но свет сменился, и мы поехали дальше вместе со всеми. Дверцу она отпустила и снова сложила руки на коленях.

— Продолжим. Значит...

— Я не хочу это слушать.

— Можешь не слушать.

— Как, если я прошу тебя перестать, а ты не перестаёшь?

— Беруши? — предположил я. — Можно ушки ладонями закрыть, но это малоэффективно.

— Придурок.

— Уже было — придурком уши не заткнёшь.

Она глубоко вдохнула. Я всё-таки включил музыку. Тихо, фоном. Пару минут мы ехали молча.

— Хочешь воды? — показал я на минералку.

Она посмотрела на неё. Помолчала.

— Хочу, — сказала неожиданно. — Можно?

— Разумеется. Я же предложил.

Аля открыла пробку. Я так и ждал, что сейчас брызги в разные стороны полетят, но она отвинчивала медленно, аккуратно. Ни одной капли не пролилось. Поднесла бутылку к губам...

— Амир! — вскрикнула она.

Вот чёрт! Впереди был ещё один светофор. Я резко затормозил, и вода плеснула ей на руку. Задница Мерса была ближе, чем мне бы того хотелось.

— Всё под контролем.

— Я заметила. Может, ты всё-таки меня высадишь?

— Ни за что.

Она смахнула капли с ладони, сделала ещё несколько глотков. Её губы касались горлышка бутылки, пальцы обхватывали её. Кровь хлынула к паху и в виски. Машины сзади засигналили, задница Мерса оказалась неожиданно далеко. Я быстро сориентировался, но «училка» всё равно глянула на меня сердито. Как будто я у доски стоял и мямлил на тему размножения млекопитающих.

— Можно я сделаю погромче? — спросила она.

— Делай.

Она прибавила звук. Играла старая рок-баллада. Из той классики, что умирает только с мозгами того, кто это слышал.

— Тебе нравится? — спросил я.

— Да. Но Руслан не любит такую музыку.

Сказав это, она замолчала. Молчание длилось, пока песня не кончилась.

— Если хочешь, можешь пролистывать и включать, что нравится.

— Спасибо. Я просто одну песню.

— Расскажи мне про свою дочь. Как её зовут?

— Милана.

— Чем она занимается?

— Бальными танцами. А мальчик, который был с тобой?

— Это Рустам — мой младший брат. — Я усмехнулся. — Он тоже занимается бальными танцами, но тащится от компьютерных игр, а танцы ненавидит вместе со своей партнёршей. Ей лет десять, но она, похоже, та ещё штучка.

Аля улыбнулась. Не уголками губ, а по-настоящему, и меня снова торкнуло. Я с трудом перевёл взгляд на дорогу — и вовремя: ещё немного и впечатался бы в Жигули. Не так стрёмно, как впасть в чёрный Мерс, но приятного мало.

Телефон Али зазвонил.

— Дай, пожалуйста, Амир.

— Проси лучше.

— Амир, — она не попросила, но что-то заставило меня вернуть телефон.

Что именно, сам не понял. Её «Амир», прозвучавшее скорее не требовательно, а... хрен поймёшь, как! Она убавила громкость.

— Да, Андрей... Да... В порядке... На такси, да... Хорошо, напишу.

— И кто за тебя так переживает?

— Водитель Руслана.

— С чего ему переживать?

— Просто хотел убедиться, что всё в порядке. Ничего особенного.

Она вернула прежнюю громкость. Потом переключила пару песен и прибавила ещё немного. Я смотрел на дорогу, но и её пальцы из вида не выпускал. Кольцо блестело. Такое же я мог нацепить Соньке, но лучше сразу петлю на шею.

— Ты давно замужем?

— Давно. А у тебя есть девушка?

— Моя мать считает, что есть, я — что нет.

— М-м... — протянула она. — А как считает сама девушка?

— Она считает, что я козёл и что она зря потратила на меня время. А ну ещё, что эгоист и так далее в этом духе. — Я опустил стекло и достал пачку.

— Можешь не курить?

— Ничего, что это моя машина?

Она больше не улыбалась и выглядела напряжённой. Что-то заставило меня повременить. Я щёлкнул зажигалкой.

— И что мне будет, если не буду курить?

— Моё спасибо тебе будет.

Я нехотя бросил пачку на приборную панель.

— Спасибо — не то, чего бы мне хотелось. Но ладно, уговорила.

— Спасибо. Просто... — она замолчала.

— Что «просто»?

— Да так, ничего. Просто не выношу запах дыма.

— Спорим, ты не это хотела сказать?

— Зачем мне с тобой спорить? Я сказала то, что сказала. Если я это сказала, значит, это я и хотела сказать.

Не это. Но возразить было нечего.

Звякнул мой телефон — Ник написал, что завтра занят. Чёрт! Это в мои планы не входило — я планировал обсудить планы на ближайшее время и весь день провести на базе. Но и тут возразить я не мог.

— Что-то случилось?

Я на секунду забыл об «училке». В её голосе слышалось участие.

— Какая тебе разница?

— Да никакой.

— Тогда не спрашивай.

— Тогда не буду.

Остаток пути она с кем-то переписывалась. Надо было забрать мобилу после того, как она поговорила. Зря не забрал. Бесило всё — от её кольца до отстранённости и запаха. Я ей не таксист и не Андрей. Можно быть и повежливее.

— Тут останови, пожалуйста, — попросила она, подняв голову.

Я остановился. Она дёрнула дверцу.

— Ты просила остановиться, больше ничего.

— Открой, пожалуйста, машину.

Я хмыкнул.

— Это дополнительная услуга. В основной тариф не включена.

Она напряглась. Ресницы у неё были темнее волос — почти чёрные, густые и длинные.

— Что это значит?

— Надо подумать. Пока не решил.

— Амир! Мне некогда играть в твои дурацкие игры!

— Всё, решил.

Я отстегнул ремень, подвинулся и обхватил её плечи. В вечер юбилея вкус её губ был разбавлен коньяком, а сейчас — чистый. Она поддавалась мне. Это распаляло сильнее и сильнее. Я провёл пальцами по её шее вдоль позвонков и сжал сильнее, углубляя поцелуй. Поиграл с её мягким языком и выпустил.

— Ты... — её грудь тяжело вздымалась. Она вытерла рот. — Выпусти меня! Я тебе говорила, что не люблю целоваться.

— И что? А я люблю. И ты скоро полюбишь.

Нажал кнопку, и дверь разблокировалась. Она мигом открыла её.

— Мы с тобой больше не встретимся. Никогда. И не мечтай, что это повторится! Я... Никогда!

Она с яростью хлопнула дверцей. Могла бы — стекло бы выбила. Я откинулся на сиденье и закурил, глядя, как она идёт вдоль дороги. Дым не стёр её запах. Я опустил стекло, но в машине всё равно пахло ею.

— Не встретимся, говоришь? Это мы посмотрим, училка.

Я проверил список входящих номеров. Последним был незнакомый. Пока она смотрела в окошко, я сделал прозвон. У гитаристов ловкие пальцы. У меня, к тому же, отличные мозги. И да, я всегда получаю, что хочу.

Глава 8

Амир

Я догадывался, что ужин отец затеял не просто так. Но отказываться очевидных причин не было. Я опаздывал. На десять минут и по своим причинам, но факт оставался фактом.

— Вот чёрт!

Машина подмигнула фарами, я сунул брелок в карман джинсов и на ходу достал сигареты. Где десять минут, там и двенадцать.

Конечно, родители уже сидели за столиком. Отец выразил недовольство молча. Глянул на меня сычом и кивнул.

— Добрый вечер, Амир, — поздоровалась мама. — Хорошо, что ты приехал.

— Кое-какие дела пришлось порешать.

— Дела, — отец хмыкнул. — Какие у тебя могут быть дела?

Не дожидаясь приглашения, я сел за столик и взял меню.

— Я уже заказал.

— А если бы я не приехал?

— Я всё же не терял надежды, что в тебе есть доля сознательности.

Я поморщился. Развернуться и уйти было бы лучшим решением.

— Если ты не терял надежды, то зачем решил за меня, что я хочу?

— Чтобы не терять время. Нужно было приезжать вовремя, тогда бы выбрал сам. В следующий раз будешь пунктуальнее.

— Мы разве торопимся?

Отец проигнорировал вопрос и сделал знак официанту. Я стиснул зубы. Сегодня я показал ребятам наброски песен. Вечером привезли недостающие комбики и гитарные примочки. Три недели работы не прошли зря — звучали мы уже не как толпа пьяных трубадуров, хотя до «нормально» было ещё далеко. В таком виде выходить на сцену, конечно, рано.

Официант принёс бутылку вина. Налил отцу, матери и потянулся к моему бокалу.

— Я пью виски. Или холодное пиво.

— Вам при...

— Нет, — отрезал отец.

— Ты забыл, что мне уже двадцать пять.

— Ужин оплачиваю я.

— Алимбек, прекрати, — вмешалась мама. — Амир, прояви уважение. Отец пригласил тебя на ужин, ты, мало того, что опоздал, так ещё и провоцируешь конфликт.

— Ты что, не знаешь, Марьям, что это его кредо. Наш сын считает, что раз ему двадцать пять, он самостоятельный и всё решает сам. Возраст, по его мнению, показатель взрослости. Только поступки, к сожалению, говорят об обратном. — Последняя фраза была адресована мне.

— Да вроде на батуте не прыгаю, в носу не ковыряюсь, — улыбнулся я. — Прилюдно, по крайней мере. Если что, тираду я заценил, пап. Понято, принято. Как насчёт вискаря? — Он нахмурился. — Ладно, понял. Без вискаря. — Подставил бокал официанту. — Давай компот.

Вслед за вином принесли лёгкие закуски. Отец минуты две буравил меня взглядом. Потом ему надоело.

— Всё же я рад, что мы сегодня собрались, — сказал он.

— Почему Рустама не взяли?

— У него занятия по английскому.

— Можно было и перенести.

— Зачем? Должна быть дисциплина.

— Так ужин семейный, вроде бы. Или я ошибаюсь? — я перевёл взгляд с отца на мать.

— Пропустит. Ничего страшного. Он разболтался. Я подумываю, чтобы отправить его в военно-патриотический лагерь сразу после окончания учебного года.

Я едва не присвистнул. У меня тоже случались ссылки — в четырнадцать я первый раз поехал в Штаты без сопровождения. И... мне понравилось. В пятнадцать отец припахал меня к работе курьером в компании. Было так себе, но в сравнении с военно-патриотическим лагерем версия лайтовая.

— На следующие выходные в клубе запланировано выступление известного французского диджея. Будет шоу.

Он молча потягивал вино, делая вид, что на меня не смотрит. Я был уверен, что на деле от него не ускользает ни единое моё движение.

— Отличный сыр. — Я сунул в рот ломтик. — Вот, блин. А что на горячее? Я тут понял, что ел последний раз вчера. — Взял ещё один сырный рулетик и запихнул в рот. — М-м-м... Мам, а ты умеешь такие делать? Под винишко катит. Отец, попробуй. То ли я такой голодный, то ли это реально бомба.

Он положил рулетик и ещё что-то матери на тарелку. Затем себе.

— Люди к нам приходят, остаются довольными. Но за ярким фасадом много работы. Заключение договоров, обсуждение мелочей. Это довольно интересно. Тут нужны ум и реакция. Ты же умеешь находить общий язык с людьми, Амир.

— Есть такое дело.

— Ты любишь музыку.

— И такое есть.

— Хорошо бы тебе приехать, посмотреть, как всё устроено.

— А-а, ты к этому. Не, батя, вот это всё, что у тебя, не моё. Я на гитарке с парнями побрынчать, рок там... Так что не. — Выпил вина. — Слушай, а компот нормальный. Можно иногда. Где еда-то? — посмотрел в сторону, но официанта с подносом не увидел. Зато мужик в дальнем углу был как-то слишком похож на Калашникова. И, что самое главное, сидел он не с Алей, а с яркой брюнеткой. Та вертела в пальцах бокал и улыбалась, как бабы обычно улыбаются, когда сильно хотят переместиться из ресторана в более уединённое место.

Чёрт, чёрт, чёрт!

Мысли завертелись.

— Сейчас всё принесут, Амир. — Мама промокнула идеально чистые губы салфеткой. — Расскажи пока, чем ты занимаешься? Ты уже почти два месяца в Москве. Мы с отцом понимаем, что недельку-две тебе надо было привыкнуть, встретиться с друзьями. Но сейчас наверняка есть что-то ещё?

— Да... Думал вот, квартирой заняться. Только для этого нужен доступ к счёту. — Многозначительно посмотрел на отца. — А я вот вчера проверил — доступа нет. Приходится спать на полу.

— Тебя это не смущает, как вижу.

— Да не то чтобы не смущает... Я в поисках. Надо же найти своё место под солнцем.

— У тебя есть место под солнцем.

— Есть, — ответил, не отводя взгляда. — Но я пока его не нашёл. Ищу-ищу... Донцова, вон, начала писать, когда ей было под полтос. И ничего, прорвалась.

— Нашёл пример для подражания, — скептически выговорил отец.

— А что? Классно же тётка взлетела.

— Амир, — снова заговорила мама, — если ты берёшь в пример Дарью Донцову, тебе стоило бы упомянуть, что до писательской карьеры она работала журналистом. Ничего из воздуха не берётся. К успеху нужно идти.

— Вот, блин, а я думал, он сам придёт. Постучит как-нибудь в дверь и заявится. Чёрт, и тут сплошные разочарования. Жизнь — боль, — удручённо покачал головой и вздохнул.

Дело спас нарисовавшийся с тележкой официант. Пока он выставлял блюда и оглашал, что лежит на тарелках, я воспользовался моментом. За дальним столиком реально был муж моей училки. В какой-то момент он повернулся, и сомнений не осталось. Она протянула бокал, и он подлил ей шампанское. Перехватил за руку.

Я приподнял скатерть. Навёл камеру. Раз — два — три...

— Ты хотел есть, Амир, — напомнила мать.

— А, да? — передо мной стояла тарелка со стейком и мудрёным гарниром.

В целом неплохо. Хотя в чём-то у нас с отцом взгляды сходятся.

— Устраивает? — спросил он, когда я отрезал кусок.

— Вполне, — ответил и сунул мясо в рот.

Когда я ем, я ем и ем. Вернее, глух и нем, что сути не меняет. К моему удивлению, больше отец разговора о бизнесе не заводил. Дурная мысль рассказать про группу дёргала меня пару раз, но это было себе дороже. Что отец, что мать, и в мои подростковые годы считали музыку блажью, что говорить сейчас?

— Я на пять минут, — сказал, воспользовавшись тем, что отец отвлёкся на звонок.

У ресторана я закурил. Открыл галерею и приблизил снимок.

— Шалунишка ты, Калашников.

Я открыл следующий снимок и тоже приблизил. Брюнетке навскидку было лет двадцать. Этакая провинциальная студенточка, поведшаяся на бабки.

Аля-то, думает, что поймала золотую рыбку.

— Устроим тебе милую домашнюю встречу, Русланчик.

Я выбрал среди контактов Алин номер и отправил ей всё, что снял.

Сигарета дотлела до фильтра. Телефон молчал — ни ответа, ни привета. За три недели, прошедшие с нашей последней встречи, я пару раз звонил ей, но она не брала. Да и мне, откровенно говоря, было не до баб.

Я закурил новую, но она так и не ответила.

«Это Амир. Заехал поужинать, а тут такой тет-а-тет. Оценила?»

Надо было возвращаться. Десерт никто не отменял. Жаль, ресторан не предоставляет альтернативное меню. Наш поцелуй в машине я бы повторил. Да и тот, на стоянке, тоже.

Аля

— Я хочу ещё одного ребёнка.

Я подавилась чаем. Кашляла и не могла откашляться, а Руслан сидел напротив, глядя спокойно. Он ждал. Протянул мне салфетку. Я взяла и вытерлась.

— У моего товарища родился четвёртый сын. У меня только один.

— У тебя есть ещё дочь.

— Мне нужен ещё один сын.

Его отстранённость и спокойный голос были признаком того, что он уже всё решил. Он показал на мою чашку. Но чай я больше не хотела, и поданный к нему десерт тоже.

— Это плохая идея, Руслан. У нас есть двое чудесных детей, и рожать сейчас третьего...

— Когда у тебя овуляция?

Я поднялась из-за стола. Что он изменяет мне, не стало новостью. Я и так знала, что у него есть другие женщины — не раз улавливала запах духов. Это началось практически сразу, всего через год после того, как мы поженились. Тогда я плакала, пыталась поговорить. А потом он чётко дал понять — его жизнь — его, моя жизнь тоже его. Если я хочу быть его женой, мне придётся принять правила. И я приняла. Думала, смогу изменить его своей любовью. Наивная дура!

Сделать я успела всего два шага. Руслан быстрым движением отодвинул стул и схватил меня за руку. Рванул, и я развернулась.

— Я спросил, когда?

— Я не хочу ещё одного ребёнка! — выпалила я. — Если тебе нужен сын, попроси кого-нибудь из своих любовниц.

Он размахнулся.

— Ай!

Я полетела на стол. Услышала, как бьётся посуда, как звенят столовые приборы, падая на пол. На секунду перед глазами потемнело, а когда открыла их, увидела спину Руслана. Щека горела, во рту был вкус крови. Я приложила ладонь к губам — на ней остался алый след.

Я с трудом вобрала в себя воздух. Слез не было, но глаза жгло, а душу заполняла чернота. Ни за что! Я не должна забеременеть от него ни за что!

Руслан уснул. Как только его дыхание стало ровным, я отодвинулась на край постели — как можно дальше. Между штор осталась узкая полоска, и я смотрела на неё, только не видела выхода. Мы больше не разговаривали, но мне было ясно без слов — Руслан не отступит от своего. А если я сломаюсь? А если родится дочь?

По телу прошёл озноб. Подождав ещё немного, я выскользнула из-под одеяла. Подождала, но муж спал крепко. Взяв телефон, я вышла в тёмный холл, стараясь не издавать ни единого звука.

Только в кухне я включила бра. Налила чай с травами.

Присланные два дня назад фотографии я удалила. Но сперва отправила на электронную почту, о которой Руслан не знал. Только для чего? Чем они помогут мне?

Разглядывая фотографии, я глотала слёзы. Когда-то я тоже такой была — млела от его внимания, робела. Мне было двадцать три... Прошло двенадцать лет, не осталось ни восхищения, ни робости. Я — тень, и всё, что у меня впереди — тьма. Слёзы потекли. Я не чувствовала вкуса чая, делала глоток за глотком, но он не перекрывал горечи.

Я открыла карточку контакта. «Помощница тренера». Номер сотового...

«Это ничего не меняет», — набрала я, отправила.

Рыдания задушили. Я прикрыла рот, но это не помогло. Я давно научилась плакать беззвучно, а это что?!

Телефон завибрировал. Я сбросила вызов и заревела сильнее. Отчаянно и тихо. Он позвонил опять.

Амир — этот мальчишка, от которого пахло опасностью, бергамотом и волей. Я сбросила, и снова... Зажала телефон между бёдер и уткнулась в ладони.

Ничего уже не поменяется! Никогда! Не в моей жизни.

Глава 9

Амир

Я бросил куплет на середине. Гитарный риф оборвался и затих. Барабаны и бас замолчали следом, клавиши замолчали последними.

— Не то, — раздражённо бросил я.

— У тебя всё не то! — ответил Ван, злясь. — Всё шло, как надо. Это с тобой что-то не то! В чём дело, Амир?!

Я стиснул зубы. Дело было в ней и её дурацком сообщении, которое она прислала два дня назад. После этого я звонил ей, но она каждый раз сбрасывала. Думает, не достану? Ещё как достану.

Я снял гитару.

— Мне нужно уехать.

Никто не проронил ни слова.

— Больше этого не будет. Но сейчас нужно.

— Может, хоть объяснишь? У всех свои сложности. Чтобы выбраться, нам с парнями приходится класть на свои дела. Так не годится.

— Обещаю, это в последний раз. Сейчас без вопросов, ладно, парни? — я посмотрел на каждого из группы. — Просто так надо.

Парканувшись, я безошибочно нашёл среди других чёрный седан. Брат скинул мне своё расписание и, исходя из первой встречи, я рассчитывал, что оно совпадает с занятиями Алиной дочери. Так и есть.

Оперевшись о капот, я подкурил и стал ждать. Не сидит же она час у двери класса. Или... Я прищурился сквозь дым.

Её кардиган был завязан на пояс, юбка в пол и тугой пучок, который я начинал ненавидеть. Бросив недокуренную сигарету, я пошёл навстречу. Увидев меня, она замерла на месте. Оглянувшись на машину и нервно вцепилась в свисающий пояс.

— Ты реально думала, что не ответишь мне, и на этом всё кончится?

— Чтобы чему-то кончиться, оно должно было начаться. У нас с тобой ничего не началось, так что кончаться нечему.

— Не начиналось? Я другого мнения.

— Ты можешь быть какого угодно мнения, меня это не интересует.

Она хотела обойти меня. Я поймал её за плечи. Она мгновенно вывернулась и отошла на полметра. Опять посмотрела на седан — с тревогой, напряжённо.

— Боишься надсмотрщика своего мужа?

— Какого ещё надсмотрщика?

— Того парня, который сидит в машине и тебя пасёт. Нравится тебе такая жизнь?

— Не лезь, Амир, — отрезала она. — Пожалуйста, не приезжай больше. То сообщение... Я жалею, что тебе написала. Ты надумал себе невесть что.

— И что же?

— Да ничего! — она занервничала сильнее. Беспокойные пальцы и блеск глаз говорили об этом лучше некуда. Май почти прошёл, а в ней не изменилось ничего: ни пальцы с неброским маникюром, ни глубокие глаза, ни губы, ни тонкий запах духов.

— И вообще, откуда у тебя мой номер? Не помню, чтобы я тебе его давала.

— Скажу, если выпьешь со мной кофе.

— Не буду я пить с тобой кофе. Я уже сказала, чтобы ты отстал. Не надо выслеживать меня, это бессмысленно.

— А что не бессмысленно?

Она отвела взгляд. Пальцы застыли, губы дрогнули. Нечего ответить?

— Давай не будем играть словами?

— Мы не играемся. Ты сказала, что это бессмысленно, я резонно спросил, что не бессмысленно. Только ты, похоже, сама не знаешь, что. Просто кофе, Аль. Сколько длится тренировка Миланы? Час? Отпросись по магазинам походить. Папики обычно любят, когда их жёны покупают обновки. Или тебе и это нельзя?

— Всё мне можно, — ответила она порывисто. — Я просто не хочу пить с тобой кофе.

— Врёшь. Ты всегда врёшь. — Я хотел взять её за руку.

Она отдернула руку и посмотрела с гневом.

— Кофе, — сказал я одними губами.

Она тянула время. Я по глазам видел, что вот-вот сломается. Что хочет сломаться.

— Капучино с ореховым сиропом. С пенкой. Или кофе со сливками? Какой ты любишь? Или обжигающий американо? Можно добавить щепотку корицы, воздушный маршмеллоу...

— Хватит, Амир. Со мной это не прокатит.

— А что прокатит?

— Ничего не прокатит.

Она было хотела пойти дальше, но я преградил дорогу. Её испытующий взгляд проник под кожу. Я посмотрел ей в глаза, на губы и снова в глаза. Подействовало — её щёки стали розовыми, дыхание сбилось.

— Я... Ладно.

Я не отходил от неё. Она посмотрела на машину снова. Достала телефон, но звонить не стала — медлила.

— Здесь есть кафе. С обратной стороны — называется «Чайная ложка сгущёнки». Жди меня, я приду через пять минут.

— А если не придёшь?

— Приду.

— Честное слово? — склонил голову на бок, рассматривая её лицо.

— Честное слово, Амир. Блин, не беси меня! Сказала приду, значит, приду.

Она действительно пришла. Вместе со звоном колокольчика над дверью и светом с улицы.

— Я заказал тебе кофе со взбитыми сливками. Хотел, чтобы добавили сироп, а потом передумал. Получится приторно.

— Мне всё равно, какой будет кофе.

— Быть такого не может.

— Может, представь.

Она выдвинула стул и присела напротив.

— Откуда у тебя мой номер?

— Да так... У гитаристов ловкие пальцы.

Она сложила руки на столе. Её запястья перекрестились, а взгляд стал цепким, выжидающим... даже требовательным.

— Я жду минуту. Потом встаю и ухожу, а ты можешь пить свой кофе, сколько угодно.

Я тряхнул головой.

— Да ладно тебе. Сделал прозвон с твоего телефона, когда мы ехали. Секундное дело.

— То есть ты украл у меня номер.

— Не-не, это вообще из другой области. Когда крадут номер, его владелец...

— Ой, всё, перестань, — замахала она.

— Почему, я могу рассказать.

Официантка, улыбаясь, поставила перед нами кофе и блюдо с пирожными.

— Это что?! — округлила глаза Аля. — Ты с ума сошёл?

— Не знал, что ты любишь, поэтому взял всё, что было. Что ты любишь, кстати? Медовик? — повернул тарелку одной стороной. — Вот это кругленькое... не знаю, что, но выглядит симпатично. Может, эклер? — повернул другой. — Кстати, ты знаешь, что название происходит от французского *éclair* — молния? Его так называли, потому что эти пирожные очень быстро разбирали. Прямо молниеносно.

— Только что придумал?

— Нет, почему? Можешь загуглить, если не веришь. М-м... Знаю. — крутанул тарелку. — Угадал?

— Ненавижу безе. — Она взяла кофе и откинулась на спинку стула. — Почти так же, как поцелуи, если ты об этом.

— Ты просто никогда не ела вкусное безе. — Я взял пирожное и откусил. — И поцелуи были не такими. Я это дело исправлю.

— Если ты о безе, то я ела разное. И во Франции тоже. Не впечатлило.

— Я о поцелуях, — сказал я, понизив голос. — О поцелуях, Аля. А после поцелуев безе приобретают другой вкус. Особенно, если целоваться ночью. Можно...

— Я уйду, если ты не прекратишь.

— Шантаж.

— Да не важно, что! Ты позвал меня на кофе, а сам...

Она спряталась за кофе. Отпила, и на верхней губе остались сливки.

— Давай сходим куда-нибудь? Что ты любишь? Кино? Клубы? Хотя... — вспомнил, как первый раз её увидел. — Точно не клубы. — Может, ресторан? Итальянская кухня, японская, русская?

— Нет. Не рестораны, не кино, не клубы, не полёт на луну и не лунопарк.

— Лунопарк — хорошая идея, почему нет?

— Потому что нет.

— Тогда я приеду к твоему дому и буду ждать, когда ты выйдешь. Рано или поздно это произойдёт.

— Тогда у меня будут проблемы. Ты этого хочешь?

— Ты можешь их избежать.

Она взяла корзиночку с ягодами. Или тайм-аут? Я принял это.

Она пила кофе молча. В какой-то момент я поймал себя на том, что мне нравится смотреть на неё — просто смотреть.

— Чем ты занимаешься? — спросила она, когда пауза затянулась.

— У меня своя группа.

— Ого. Так ты музыкант?

— Да. Что, не ожидала? Думала, я проматываю папины деньги и тусуюсь по клубам?

— Нет, просто...

Так она и думала. Всегда забавно было наблюдать за людьми, которых поймал на их же мысли.

— Что вы играете?

— Музыку. Рок в разных вариациях — инди-рок, поп-рок, арт-рок, постгранж, постпанк, дарк-вейв. Что-то вроде этого.

Она кашлянула.

— Я в этом мало понимаю.

— Тут не нужно понимать — нужно слушать. Приходи как-нибудь на наш концерт.

— А где вы выступаете?

Я добавил в кофе пару ложек сахара.

— Пока на маленьких площадках. Типа кафе-бара «Бум-бум». Но в планах площадки другого масштаба, конечно. Как раз работаем над этим. Есть пара предложений, но там не всё гладко. Поэтому пока не суёмся.

Она проверила мобильный. Я тоже. Времени оставалось как раз, чтобы допить кофе.

— Я никогда не была на концертах.

— Мы это исправим.

— Амир...

— Но начнём со свидания. Что ты решила, каким путём пойдём?

Она обхватила чашку обеими ладонями. Как будто пыталась согреть руки. Или кольцо своё мне демонстрировала. Если так, я его уже видел. И её мужа с левой бабой тоже.

— Если что, семейными ценностями теперь прикрываться ты не сможешь. Я всё сам видел.

Она прекрасно поняла, о чём я.

— Если думаешь, что я шучу — я не шучу. И не говори потом, что я не предупреждал. Приеду и буду ждать. Поверь, я умею добиваться того, чего хочу.

— Я верю. Хорошо, Амир, я с тобой встречу. На следующей неделе Руслан уезжает, давай тогда. Во вторник, допустим.

— Вот так правильно, училка.

— Не называй меня училкой.

— А как тебя называть?

— У меня имя есть.

— Ок. Тогда у меня условие — на свидание придёшь без гульки на голове.

Сперва показалось, что она сердится. Но нет, она пыталась подавить улыбку. А я не пытался — улыбнулся и, протянув руку, стёр с её губы взбитые сливки.

Она оцепенела. Уставилась на меня, словно я не мимолётно её коснулся, а прямо тут на столик завалил и юбку задрал.

— Не делай так, — сказала она тихо и боязливо осмотрела кафе. Повернулась обратно ко мне. — Пожалуйста, Амир, ничего такого там, где нас могут увидеть.

— Ты настолько боишься мужа? Он тебе в открытую изменяет, а ты трясешься.

— Он — влиятельный человек. У нас двое детей. Я не хочу неприятностей. А они будут, если ты не прекратишь.

— Хорошо, я прекратил.

Она поднялась.

— Мне пора.

Я махнул официантке, чтобы подошла, и попросил сложить пирожные в коробку. Придержал Алю.

— Амир, — предупреждающе посмотрела она на меня.

— Ничего такого, — убрал руку. — Подожди минуту. Возьмёшь пирожные с собой. Милана наверняка будет рада. Да, а как сына зовут?

— Платон.

— Отличное имя для парня.

Официантка принесла коробку. Я отдал её Але. Она взяла, глядя при этом на меня. По-другому — внимательно, изучающе.

— Спасибо, Амир.

Она резко отвернулась и, не оборачиваясь, вышла из кафе под звяканье колокольчика.

Глава 10

Амир

Не то чтобы я ждал вторник, но... Когда утром она написала, подорвался. Потёр руками лицо и поморщился — башка гудела, свет резал глаза. Стоило поставить ногу на пол, зашуршала бумага. Я поднял лист, пробежался по строчкам и, смяв, кинул на кровать. Всю ночь я таскал строчки новой песни из куплета в куплет, пока они не встали на места. Подбирал мосты, но выходила голимая дешёвая попса. Это было не то, что я хотел от «Запасного выхода». Подкурил и поморщился — глотку и так драло от дыма. Глотнув ледяной воды, я перечитал сообщение. Если бы она не написала, я бы позвонил, не ответила бы, через пару часов моя тачка стояла бы у её дома.

«Не забудь про волосы», — отправил я в обратку и подкурил новую сигарету.

«Твоя весна накроет как цунами

Запахом пряного октября

Ожогами на коже, моими следами

Моим ненасытным хочу тебя»

Положил листок на стойку и поставил сверху чашку. Из этого, пожалуй, можно что-то вытянуть.

Я оценил бардак. Сюда училку не приведёшь. Придётся, в случае чего, снять номер в отеле. Нет, отель не для таких мышек, как она.

Я набрал Илюхе — если кто и может разругать тут, так он. У него в таких делах всегда всё было схвачено. Да и во всех делах, в общем-то.

— Здорово, Илюх.

— У тебя голос, как с того света.

— Есть немного. Но я не к тому. Мне нужно прибрать хату. Быстро и качественно, бабки — не разговор. Есть кто на примете?

Он хмыкнул.

— Надо подумать.

— Думай быстрее. Дело срочное.

— Отец, что ли, решил нагряться с визитом?

— По поводу него я бы не заморачивался.

Илья хмыкнул снова. Я поставил Илюху на громкую и засыпал зёрна в кофемашину. Включил. Как только кофе запах, жизнь показалась лучше.

— Единственное, что мне приходит на ум — Светка.

— Нахрена мне твоя сестра?

— Ей деньги нужны. Хочешь, скину номер, позвони, договоритесь. В ней я, по крайней мере, уверен.

— Ей семнадцать, Илюх. Мне нужна нормальная уборка. Чтобы красота, стаканы скрипели, всё по местам.

— Почти восемнадцать — как раз на днюху ей деньги и нужны. А в остальном она получше клининга справится. Я её предупрежу, а там решай сам.

Перспектива была так себе, но альтернативы не было в принципе. Пока пил кофе, сидя на купленном вчера барном стуле, обмозговывал. В итоге написал мелкой и удивился, когда она чётко и по делу спросила, что нужно, что у меня есть для уборки и сколько я готов заплатить. Вот это, блин, хватка.

«Оставь ключи у консьержа. Всё сделаю. Деньги можно после того, как вернёшься и оценишь работу», — прочитал я и отложил телефон, но он снова пикнул. Я взял без интереса.

«Я помню», — сообщение было от другого абонента.

Она помнит. Да, девчонка должна сделать всё, как надо. И я тоже. Волосы Али будут отлично смотреться на моей смятой простыни.

Зайдя в забегаловку, торгующую бургерами, я осмотрелся. Её не было, хотя место было правильным. Я прошёлся по залу и вдруг понял, что она тут. Встал, как вкопанный. Она меня не видела — сидела у стены за маленьким столиком, на котором стоял стаканчик. Волосы спадали ей на лицо — длинные, прямые. Солнца не было, но свет отражался в них. Она рассматривала кольцо.

Дурацкое обручальное кольцо.

— Не могла выбрать место получше?

Аля вскинула голову. Секундное напряжение пропало.

— Какое выбрала, такое выбрала. Ты же предлагал мне решить, куда я хочу.

— Решение — лучше некуда.

— Амир, — её голос звучал как-то устало. — Почему ты всегда нападаешь?

Я искренне удивился.

— Нападаю?

— Да, нападаешь. Как будто если ты этого не сделаешь... не знаю, что случится. Я на тебя нападу.

— Ерунда. Ладно, что мы, тут будем сидеть или пойдём отсюда?

— Как скажешь. Мне всё равно.

— Тогда пойдём. — Я заметил пакет на полу рядом с ней. — Твой?

Она кивнула. Я поднял его за ручки и показал на дверь. Она встала. В её стаканчике был кофе, но она к нему, судя по всему, не притронулась. Сегодня на ней было платье. И не как обычно — паранджа до пят, а нормальное, по колено, персикового цвета.

— Ты классно выглядишь. И, — посмотрел на неё. — Тебе идёт с распущенными волосами. Так ты совсем не похожа на училку.

— А на кого похожа?

— Не знаю. Тебе просто идёт. Ты милая.

— Милая... — повторила она тихо, явно обращаясь не ко мне, и пошла вперёд.

Аля сама подошла к моей машине и остановилась рядом. Ветер был сильный, он гнал пыль, оторванные листья, тербил платье. Аля пыталась убрать с лица волосы, но они всё равно лезли ей в глаза.

— Думал предложить тебе прогулку на речном трамвайчике. — Я нажал на брелок. Открыл дверцу.

— А теперь не думаешь?

— Есть идея получше.

Пояснять я не стал, хоть она и ждала. Пусть помучается. Когда я сел за руль, она повернулась ко мне. Волосы обрамляли её лицо, и она выглядела младше.

— Сколько тебе лет?

Она ответила не сразу. Как будто это было принципиально важно и что-то меняло.

— Тридцать пять.

— А день рождения когда?

— В сентябре.

— А у меня в июле. Я рак, если что. Ну, если тебе интересно. У некоторых пунктик на совместимость и всё такое.

— Я не увлекаюсь астрологией.

— Хорошо.

Я глянул в зеркало и отъехал от забегаловки. Пожалел, что не заказал с собой пару гамбургеров и кофе — было бы не лишним. Зевнул и мотнул головой.

— Спать хочешь? — спросила Аля.

— Нет, нормально. Творческий процесс затянулся. Так часто бывает. Ночь, кофе, гитара... Музы, правда, не хватает.

— Ты один живёшь?

— Ну да. А с кем мне жить?

— Мало ли, может, с родителями.

Я покривил губами. Представил, как отец посреди ночи врывается в мою комнату и морщится от дыма. Или мать пилит за то, что завтрак у меня во время семейного обеда.

— Я — вольный художник. Всё, что ограничивает свободу, не для меня.

— А семья?

— Это сложно. Если ты про родителей. А если про ЗАГС, кольцо и клятвы о вечной любви, то пока я до этого не дошёл. Может быть когда-нибудь, но не сейчас. Стабильность ставит палки в колёса творчеству. Как только начинаешь думать о том, что нужна новая кухня и каша грудному ребёнку, можно ставить крест на группе.

— Разве? Но ведь многие музыканты женаты, у них есть дети.

— Не знаю, как они это делают. Такое однозначно не для меня. — Я повернулся к ней.

Она опять смотрела с интересом. Может, мне только казалось. В уголках её губ появилась улыбка.

— Куда ты меня везёшь?

— Тебе же всё равно. Или нет?

— Всё равно. Только пусть это будет что-то нормальное.

— Понятие о нормальности у каждого своё. Но, обещаю, будет нормально.

Аля

— Ты серьёзно? Амир...

— Вполне, пойдём.

Он потянул меня за собой. С самого начала это была безумная идея, но когда мы подошли к музею советских игровых автоматов, я подумала, что сплю. Я с распущенными волосами, в Стаськином платье, рядом — спесивый мальчишка. А теперь ещё это.

— Два взрослых, — сказал он, достав смартфон. — Оплата QR-кодом.

Через несколько секунд у него в руках были билеты и россыпь монет.

— Держи, — отдал мне одну.

Я положила её на ладонь. Это была монета в пятнадцать копеек. В детстве у меня были такие — у мамы с советских времён осталась большая копилка, забитая мелочью. Куда она делась потом, я не помнила, но монетка неожиданно вернула в детство, где почти у всей группы в детском саду были голубые платья с цыплятами на груди. У меня был ещё и шерстяной сарафан в клеточку, который я ненавидела.

— Мы прошли в зал.

— Тебе не кажется странным повести меня сюда?

— Люблю всё из прошлого. — Он посмотрел на меня, и я поняла, что это было совсем не про автоматы. — Тебе должно понравиться.

— Боюсь тебя разочаровать, но когда развалился Советский Союз, мне был год. Тогда меня больше интересовали не советские игровые автоматы, а соски и бутылочки.

Он усмехнулся, и на его щеке появилась ямочка. Внизу живота стало тепло. Как это работает?! Просто усмешка, а мои чувства обострились до предела. Амир взял меня за руку и подвёл к автомату с игрушками.

— Не такой и советский. — Я потрогала рычаг. — Я лет в десять в такой играла.

— Это начинка не советская. А сам агрегат — вполне. Хочешь, достану что-нибудь для тебя.

— Не достанешь. Они так настроены, чтобы никто и никогда ничего оттуда не достал.

— Проверим.

Он зажал монетку в пальцах. Чуть прищурился, глядя сквозь прозрачную стенку. За время, что мы были знакомы, он, похоже, ни разу не стригся. Не знаю, откуда взялось желание запустить пальцы в его волосы. Я сжала руку в кулак.

— Что хочешь? — спросил он.

Его голос был решительным. Как будто если бы я захотела игрушку с самого низа, он бы достал её.

Жизнь научила меня реализму. И всё же что-то в Амире подталкивало думать, что ему доступно недоступное.

— Мне вон та собачка нравится, — показала на спаниеля с добрыми глазами.

Он промолчал. Молчал долго.

— Да ладно, Амир, я понимаю, что её не достать. Давай...

— Достанем.

Он сунул монетку в прорезь, и аппарат ожил. Захват завис над игрушкой. Но дело ничем не кончилось — только лежащая над ним мартышка немножко сдвинулась.

Монетка исчезала за монеткой, а Амир, казалось, становился злее. Я уже сотню раз пожалела, что показала на собачку.

— Да оставь ты, — потянула его за руку. — Пойдём во что-нибудь другое поиграем. Это бесполезно.

— Нет.

Он, казалось, не видел и не слышал ничего. Я прикусила губу. Дура! Он же мальчишка — амбициозный, упрямый. Захват опять проехался ни с чем. Амир сунул ещё одну монетку. Тронул джойстик, и захват завис над игрушкой. Вдруг он поднял собачку и понёс к нам.

Ничего не говоря, Амир достал игрушку и протянул мне. Я взяла. Плюшевая шерстка была мягкой, а сама игрушка милая. Я смотрела на Амира, он — на меня, и в глазах его я видела решимость. Не гордость, не хвастовство, а решимость.

— Ты всё-таки её достал.

— Ты же хотела. Что теперь? Может, лимонад? Тут есть аппарат.

Я просто кивнула. Мы подошли к аппарату, и он сам, не спрашивая, взял напитки.

— Крем-сода. Должно быть вкусно.

Я сделала глоток.

— Вкусно и сладко.

— А ты не любишь сладкое?

— Не особо. Но вкусно, правда.

— Что ещё хочешь? Давай в Морской бой? Ты играла когда-нибудь?

Я мотнула головой.

— У меня только игровая приставка в детстве была.

— У меня тоже. Ещё телек во всю стену. Правда, отец потом её раздолбал.

— Приставку?

— Да. Я не пошёл на дополнительные занятия, просрал их, он решил, что лучший выход — разломать приставку.

Я задумалась, вспоминая семью. Жаль, но отца было вспомнить трудно. После того, как он ушёл, моя жизнь, вроде, не изменилась, хотя на деле изменилась она на все сто процентов. Вечно замученная мама, нехватка денег...

— А у меня была Денди. Потом сломалась, но я лет до пятнадцати играла.

— Везёт тебе.

Я посмотрела на него исподлобья. Везёт? Серьёзно?

Когда мы вышли из музея, похолодало. Стася не дала мне ничего, кроме платья, а я как-то не подумала. Посмотрела на время и ужаснулась — было начало седьмого.

- Мне через час нужно быть дома. Максимум, через полтора.
- Тогда мы ещё успеем выпить кофе. Как раз недалеко классная кофейня.
- Только если недалеко.
- Слово даю.

Он смешливо приложил ладонь к груди. Я улыбнулась, держа собачку. Мы поиграли в Морской бой, Снайпер 2, я побывала на «экскурсии» по сафари. Не думала, что простой музей может быть настолько интересным, что три часа пролетят, как секунда.

- Замёрзла? — спросил Амир, сев в машину.
- Нет. Мы же были в музее.
- Тогда, может, музыку?
- Я бы просто выпила кофе.
- Ок.

Машина завелась. Я не могла отвести от него взгляда. Господи, Аля, он же мальчишка! Дерзкий и наглый! Ты родилась слишком рано, чтобы из этого что-то вышло. У тебя Руслан. Руслан...

Одна мысль о муже заставила грудь сжаться. Амир поехал по центру, что-то комментируя. Я проверила телефон — ничего, если не считать голосового от Миланы. Включила его, но телефон вдруг переключился на динамик.

- Мам, Платон... — Я сильнее прижала телефон к уху.

Амир взял меня за руку, заставив оторвать телефон, и голос дочери разлился по салону.

— ...взял мой альбом. Мам, он испортил все рисунки! Почему он такой?! Он вечно лезет в мои вещи, хотя я не разрешаю! Платон! — она вскрикнула, и сообщение оборвалось.

— Ты тоже маленькая была, — зажав кнопку записи, сказала я. — Помнишь, как ты разворошила мою косметичку? А рисунки... мне жаль, Мил. Давай, мы с тобой вместе нарисуем ещё, когда я вернусь? Что ты об этом думаешь?

Она отправила сообщение.

- Мамой быть не так просто, как кажется.

— Не представляю, — ответил Амир. — Но твоя дочь крутая. Я тебе говорил, что она похожа на тебя?

- Кажется...

- А мне кажется, нет.

Телефон пикнул.

— Мам, а ты можешь купить пирожные, как в прошлый раз? Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста. Мамочка, пожалуйста.

Я не знала, что ответить.

- Купим, — сказал Амир. — Там, куда мы едем, крутые пирожные.

— Хорошо, Мил. Только ты не расстраивайся из-за рисунков. И с Платоном не ссорься. Он маленький, и он — твой брат. Вот у меня никогда не было братика, Мил. А я бы хотела. Он бы меня защищал, мы бы дружили. Ты — старшая сестра, так что просто будь чуточку умнее, договорились? Я скоро приеду и привезу самые вкусные пирожные. Обещаю.

Амир

— Ещё вот это, — показал на корзиночку с ягодами. — И это. Короче, положите всех по два.

Продавщица взяла большую коробку и стала собирать заказ. Аля ждала меня на улице. Я хорошо видел её сквозь окно. Она говорила с кем-то по телефону, и мысль, что это может быть Калашников, задирала. Я гнал её. Она сейчас со мной, пошёл её муж нахрен.

- Четыре тысячи сто шестьдесят.

- QR-кодом, — достал карту и опять посмотрел на Алю.

Ещё не стемнело, но ветер дул такой же сильный. Трепал её волосы. Я забрал заказ и вышел на улицу. Она убрала телефон, и я отдал ей пирожные.

— Надеюсь, Милане понравится. И Платошке тоже.

— Платошке нравится всё. Он любит покушать.

— Настоящий мужик.

Она улыбнулась. Я открыл дверь, и она поставила пирожные на заднее сиденье.

— Ты не против, если я куплю детям киндер-сюрприз? — показала она на магазин по соседству. — Пирожные одно, а тут... В общем, не против?

— Давай.

Она ушла, а я закурил. Ответил на сообщения от Ника и Вана. Увидел непрочитанный чат и открыл. Это была сестра Ильи. Прислала мне фотографии моей же хаты. Блядь! Кровать застелена, на полу, судя по фото, ни соринки. Я перевёл девчонке бабло. Проблема была в другом — потащить Алю к себе значило бы перечеркнуть всё. Ей надо было домой, и у меня язык бы не повернулся предложить ей остаться на ночь.

Подумав, я зашёл в магазин. Аля уже стояла на кассе и пробивала покупки.

— Спасибо, — сказала она кассирше и взяла пакетик.

Я пробил несколько батончиков. Касса, как на зло, зависла, и Аля стояла, терпеливо дожидаясь, пока я расплачусь.

— Подожди.

Она приложила телефон к уху. Пока слушала, улыбалась.

— Милана спрашивает, куплю ли я эклеры. Я рассказала ей про молнию.

— В коробке они точно есть.

— Это хорошо. Она будет рада, — ответила она.

Мы подошли к машине. Я открыл перед Алей дверцу, раздумывая, как бы ещё растянуть этот день и понимая, что мне это, в принципе, нахрен не нужно. Только отпускать её не хотелось, несмотря на то, что дальше в любом случае ничего быть не могло.

— Амир! — окрик за спиной заставил развернуться.

Из кофейни вышла Соня. Смерила Алю пылающим взглядом.

— Так вот оно что? Поэтому ты меня динамил? Я думала, ты нормальный, а ты нашёл себе милфу!

— Остынь, детка. Если тебя послали, дело в тебе.

— Во мне?! Ты короля из себя мнишь, а на деле — никто! Ваше величество, Амир Мажорович! Ты просто шлак, понял!? Нашёл себе богатую старуху. Что, так всё плохо, что нужно искать, кто тебя будет содержать?! Может, корону пора снять?! Ты...

— Козёл?! На себя посмотри. Папочка тебя сосватал перспективному жениху, ты и рада стараться была. Или, скажешь, у тебя ко мне невъебенная любовь? Что молчишь? Думаешь, я не в курсах, что тебе от меня было надо. Богатого...

Она открыла стаканчик. Лицо обожгло, запахло кофе.

— Не в курсах! — выкрикнула она и была такова.

— Амир... — Аля протянула мне салфетки.

— Чёртова сука.

Футболка липла. Откуда она здесь взялась?! Я оттолкнул руку Али и сел за руль. В бардачке оказалась пачка носовых платков. Аля сама открыла дверь и села рядом.

— Дай я, — забрала у меня платочки и, вытянув несколько, принялась промакивать лицо. — Это твоя бывшая?

— Да.

Я тоже достал платочек.

— Ну... могло быть и хуже, ваше величество, — она бросила салфетку на приборную панель и улыбнулась. — Ваше величество.

- Ну до «вашего величества» мне далековато.
- Даже? С твоей-то самооценкой?
- Да... Ты можешь звать меня просто «Мой принц».

Её рука зависла в воздухе. Взгляды встретились. Я посмотрел на её губы, и желание поцеловать стало невероятным. Я почувствовал вкус её поцелуя, её податливость. Но её телефон зазвонил.

Она отложила платочек. Достала телефон. Я наблюдал за ней.

- Да, Мила, — ответила она. — Да, скоро. Обещаю, что скоро. Да... Я помню... Да...
- Такси приедет через три минуты, — сказала она.
- Неожиданно.
- Ожидаемо, — возразила Аля. — Это был хороший вечер, Амир. Спасибо.
- Но?
- Но... — Она посмотрела сквозь стекло в никуда.

Открыла машину и вышла на улицу. Телефон зазвонил у меня. Я бы не взял, если бы звонок был от кого-то другого, но он был от брата.

- Да, Рустам.
- Амир! — он шмыгнул носом. — Забери меня, пожалуйста.
- Опять?
- Не опять. Я где-то... непонятно где. Я сбежал из этого дурацкого лагеря. Сейчас... — стало тихо.

- Рустам... Рустам, ты где? — вместо ответа пришло сообщение с геолокацией.
- Вот. Я тут. У меня нет денег, пожалуйста, приедь за мной.
- Хорошо. Жди и никуда не уходи, понял?
- Угу.
- Понял, я тебя спрашиваю?!
- Да понял я, понял.

Аля ждала, ничего не говоря и не спрашивая. Я взял навигатор, вбил адрес.

- Мать твою. Я его прикончу.
- Кто это был?
- Брат.

Футболка всё ещё была мокрая и липла к телу. Я отодрал её, только лучше не стало.

- Не трогай, — она коснулась моей руки.

Отдёрнула её, только я посмотрел. Мне всегда нравились миниатюрные девушки типа Соньки или Алиной подружки. С большой грудью и крепкой задницей. Аля же была всего сантиметров на десять ниже меня, с маленькой грудью и узкими бёдрами. Но...

- Я посажу тебя в такси и поеду за этим паршивцем.

Она обошла машину и открыла дверцу.

- Я с тобой поеду.
- Тебе же нужно было домой.
- Что-нибудь придумаю. Поехали, Амир, не будем терять время.

К вечеру движение стало плотным. Я гнал, насколько это было реально, но пока мы не выехали за черту города, казалось, ползём.

- Нашёл время, чтобы дать дёру, — процедил я, прибавив скорость.
- Вряд ли он думал о вечерних пробках.
- Вряд ли он вообще думал.

Я заметил, как она улыбнулась. Каждая её улыбка была для меня красным флагом. И эта тоже. Подол её платья задрался, обнажив колени. Я старался не смотреть на них, но не мог.

Они были острые, как у старшеклассницы, и по-женски изящные. Кровь прилила к паху. Аля что-то набрала на телефоне. Её губы беззвучно шевельнулись.

Несколько минут назад Рустам позвонил, спросил, сколько нам ещё ехать. Ехать нам было около получаса. Если без задержек. Я прижался к обочине.

— В чём дело, Амир?

Не отвечая, я взял сигареты. Вышел на улицу и хлопнул дверцей. Подкурил и глубоко затянулся. Первая затяжка была, как мёртвому припарка. Вторая тоже. Нервные окончания дёргали, навязчивые мысли о её губах были, как помешательство. Снова хлопнула дверца. Я затянулся глубже и повернулся к вышедшей за мной Але.

Ветер стал сильнее, её волосы растрепались за считанные секунды.

— Не стоило тебе этого делать.

— Что не стоило? Ты можешь объяснить, что случилось? Я тебя не понимаю.

Щурясь от ветра и солнца, я изучал её. Не понимает?

— У нас проблемы.

Она забеспокоилась. Смешная. Глупая.

— Что за проблемы? Что-то с Рустамом?

Я бросил недокуренную сигарету. Приблизился и обхватил её за талию.

— Не с Рустамом, — просипел ей в губы.

Посмотрел на её рот, опустил взгляд на шею, на ключицы, на грудь. Когда снова посмотрел в глаза, щёки её были розовыми, и я, чёрт возьми, захотел её ещё сильнее.

— Я хочу тебя, Аля. И это проблема.

Её дыхание коснулось моих губ. Я выбрал его, поцеловал её жадно, как только и мог. Мысли сбились в одно только чёткое «хочу», сердце гоняло кровь мощными толчками. Она подчинилась без боя — губы её приоткрылись, и я углубил поцелуй. Прижал её к машине и целовал. Рассудок мне не принадлежал. Я готов был трахнуть её прямо здесь, и плевать на проносящиеся мимо машины. Погладил её по бедру, задирая подол.

— Амир...

Я заткнул её новым поцелуем. Поиграл с её языком, прикусил нижнюю губу. Её ладонь опустилась мне на плечо — её касание стало ожогом. Хотелось вбить её под кожу, вдыхать её, запустить в кровь.

— Нет, — она накрыла мою руку, стоило задрать платье выше.

— Почему? Я хочу.

— Твой брат, он ждёт.

— Подождёт.

Я завладел её губами, но она оттолкнула меня. Сильно. Я отступил, не ожидая этого.

— Нет, — выговорила она жёстче. — Я не могу. Я замужем, Амир, и... нет. Просто нет. Мне жаль, что ты решил, что я готова перейти грань. Я не такая.

Поправила платье, но от этого ничего не поменялось. Её глаза горели, губы были красные.

— Я знал, что ты окажешься в моей постели с того момента, когда в первый раз увидел тебя.

— Ты самонадеянный мальчишка с отвратительным характером. Я не окажусь в твоей постели. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо ещё.

— Да, самонадеянный. И ещё, — подступил к ней снова и, глядя в глаза, опёрся о машину ладонью. — Есть два правила, которым я всегда следую.

— И что за правила? — она нервничала. Опять. Но держалась и не пыталась увернуться.

— Я всегда добиваюсь того, что хочу. Что бы это ни было, Аля. — Маленький шаг, чтобы она почувствовала, насколько сильно я хочу её прямо сейчас.

Она выдохнула, и я опять вдохнул её дыхание.

— А второе? — голос её слегка дрогнул.

— Второе? Второе — я ненавижу ждать. Но тебя я готов подождать.

Я оттолкнулся от машины и вернулся за руль. Открыл минералку и залпом выпил всю бутылку. Смял и кинул на заднее сиденье. Аля села рядом. Ничего не говоря и не глядя на меня. Закрыла машину и пристегнулась. Всё в тишине. Я не стал эту тишину нарушать — стартанул с места. Из-под колёс вылетел песок, дорога уходила вперёд, а она сидела рядом. И я мог бы взять её. Не силой — снова остановить машину и взять просто потому, что она была готова. Но я, чёрт возьми, действительно готов был подождать.

Я остановился у поворота. Судя по скинутой Рустамом геолокации и знаку, который он упоминал, место было то самое. Только вокруг никого.

— И где этот герой?

Я вышел на улицу. Было тихо в привычном понимании этого: ни машин, ни людей. Только птицы и шум деревьев.

— Рустам! — гаркнул я.

В ответ ничего. Меня это стало напрягать. Вернувшись к машине, я взял телефон и набрал брату. Гудки шли, но я не слышал, чтобы где-то поблизости звонил телефон.

— Рустам! — крикнул ещё раз.

— Точно тут? — спросила Аля, встав рядом. — Может, ты что-то перепутал? Проверь ещё раз.

— Точно. Я что, на дебила похож?

— На дебила ты не похож. Но ошибиться может не только дебил, знаешь ли. Рустам! — позвала она. — Рустам!

Я позвонил ещё раз, идя по хорошо объезженной, но совершенно пустой дороге, и вглядываясь в заросли. Показалось, что треснула ветка. Я остановился. Не показалось — кусты затрещали, зашевелились, и из них вылез брат.

— Я же сказал, чтобы ты стоял на месте.

— Я и стоял. Ну... сидел, точнее. Боялся, что кто-нибудь заметит меня.

Я осмотрел его. Вроде, целый.

— Пойдём тогда. Заяц бегляк, ёлки-палки.

Аля шла нам навстречу. Рустам увидел её, но ничего не спросил, должно быть потому, что она была слишком близко.

— Привет, — дружелюбно улыбнулась она.

— Привет, — буркнул он и первым пошёл к машине.

Вид у него был мрачный. Я не имел понятия, что у них с отцом приключилось, но, судя по всему, ничего хорошего.

Мы с Алей сели спереди. Я поехал в обратную сторону, прикидывая, как и что теперь.

— Матери надо позвонить. Тебя скоро хватятся, поднимется хай.

— Не надо ей звонить! Я не хочу, чтобы она меня забирала! Я вообще больше не хочу домой! Не поеду туда!

— Так, поаккуратнее на поворотах, Рус.

— Я не хотел сюда ехать, а они меня всё равно заставили! Они всё делают, как хотят. Как будто это не моя жизнь, а их!

Я спустил стекло и закурил. Аля глянула на меня недовольно, но ничего не сказала. Рустам не замолкал. Я слушал его и вспоминал себя. Только когда сигарета почти дотлела, вспомнил, что Аля просила не курить в машине. Ничего, пережила же.

— И что ты предлагаешь? — спросил у Рустама. — Если ты не хочешь домой, что мы с тобой будем делать?

— Забери меня.

Я охренел.

— Куда?

— К себе. Ты же обещал, что что-нибудь придумаешь.

— Э-э, притормози. Не в этом смысле.

— А в каком?! У меня послезавтра важная битва. Они у меня комп отнимут и запрут! Они так каждый раз делают, когда им что-то не нравится!

— Может, стоит попробовать договориться? — предположил я, посмотрев на брата через зеркало.

Глаза у него уже были на мокром месте. Он не плакал, но обида читалась вовсю.

Аля сидела тихо. Мне бы не помешал её совет, потому что я нихрена не знал, как это разрулить.

— К себе я тебя отвезти не могу, Рус. Ты уж извини. А насчёт игры обещаю подумать.

— Ты уже обещал и ничего не сделал.

— Хорошо, обещаю, что ты будешь у компа послезавтра во столько, во сколько нужно.

Но в ответ ты мне тоже кое-что должен пообещать.

Он почуял подвох. Но деваться было некуда.

— Что? — буркнул он, глядя с подозрением.

— Ты должен пообещать, что не будешь сбегать, как сегодня. Дело всегда можно решить мирно, но для этого порой нужно больше усилий.

Он отвернулся. Мы съехали на дорогу в две нормальные полосы, и я погнал быстрее. Перехватил взгляд Али — она смотрела на часы. Начало девятого.

— Я довезу тебя до удобного места и пересажу на такси, — сказал ей. — Пойдёт?

— Да, спасибо.

Она, вроде, была спокойная. Не дёргалась. Чего ей дёргаться, раз папик в разъездах. Разве что кто-нибудь из прислуги нажалуется, но бабы горазды сочинять легенды. Рустам всё молчал.

— Ну так что?

— Хорошо.

— Рус.

— Я обещаю. Но только если ты сдержишь своё обещание.

Я втянул воздух. Резко, пытаясь в башке сложить тетрис, как уломать отца отпустить брата, когда я — последний из тех, кого он захочет слушать. Наобещать, что вникну в дела — не вариант. Поговорить?

— Они ужасные родители, — тихо сказал Рус.

— Бывают и хуже. Да, Аль?

— Да.

Рус глянул волком. Но не на меня, а на неё, и дальше, пока мы ехали, не проронил ни слова. Я остановился возле остановки, и мы с Алей, не сговариваясь, вышли.

— Я закажу, — коснулся её руки, когда она взяла телефон.

— Не стоит.

— Стоит.

Адрес я помнил. Выбрал тариф подороже и вызвал такси. Как на зло, нашлось оно быстро и приехать должно было через минуту. Вспомнил про пирожные и открыл машину. Взял пакет и пересёкся взглядом с Рустамом. Он, похоже, наблюдал за нами.

— Держи, — подал я Але пакет.

— Спасибо.

— Не стоит так часто меня благодарить.

— Почему?

— Потому что «спасибо» — совершенно бесполезная штука.

Я шагнул к ней и поцеловал, но не так, как по пути за Рустамом. Мягче, лишь слегка поигрывая с губами. Погладил её по спине до задницы.

— Лучше так.

Рядом остановилась её машина, а ещё через десяток секунд Аля села в неё. Я проводил такси взглядом. Меня ждала убранная квартира. Нахрена только девчонке за уборку бабло отвалил?!

Ещё нужно было решить, что делать с братом. Хотя, ясно чего — домой его.

— Это твоя девушка? — спросил Рустам, когда я вернулся в машину.

— Как сказать... Не то чтобы моя и не то чтобы девушка. Но в целом, да.

— Красивая.

— Красивая... — я усмехнулся. — Да, красивая. И она будет в моей постели. Не сегодня, так в следующий раз.

Глава 11

Аля

Дождь зарядил вчера и прекращаться, похоже, не планировал. Я пообещала детям, что мы пойдём гулять. Пришлось заменить прогулку походом в развлекательный центр, но и с этим не сложилось. Потому что... Да потому что я решила побыть эгоисткой.

Раскат грома был такой, что я вздрогнула, а Милана завизжала.

— Мам, там небо лопнуло!

Я улыбнулась.

— Не лопнуло. Просто гром, от него ничего не лопаётся.

— Ты-тыщ! — Платон специально бросил машинку. Да так, чтобы погромче вышло.

— От неё что-то отлетело, — он удивился. Поднял и попробовал приставить.

— Платон, нельзя вещи так кидать. Зачем ты это делаешь? Зачем шумишь?

— Мам, — он протянул мне машинку с несчастным видом.

От неё откололась пластмасса. Причём не только от бампера, но и дверца сломалась.

— Всё, сломал, молодец. Чем я тебе теперь помогу?

Глаза у него стали мокрые. Эта машинка ему нравилась, последние месяца три он везде её за собой таскал.

— Почини!

— Не могу. Как я починю, если ты сломал? Думать надо было, когда ты её швырял.

— Ну ма-а-ам, — Платон громко всхлипнул. — Почини!

— Ты дурак? — накинулась Милана. — Ты её разбил!

Платон ударил сестру ладонью, она хотела стукнуть его в ответ.

— Так! Быстро прекратили! Оба! Платон, это ещё что такое? Мало того, что игрушку сломал, так ещё и дерёшься? Это кто тебя такому научил? — спросила я грозно.

Ответ лежал на поверхности, только я даже думать не хотела, что он когда-нибудь видел, как меня бьёт его отец. А он видел. Если не как бьёт, точно как отталкивает. Снова загрохотало, и даже у меня появилось ощущение, что небо вот-вот расколется на половины.

— Люблю грозу в начале мая, — сказала Стася и поставила на стол два бокала и следом — бутылку холодного белого вина.

— Гуляем, Алька. Хорошо, что вы приехали.

Я посмотрела на вино с сомнением. И когда я стала такой клушей?! Руслан вернётся только через два дня, я сижу с подругой, всё хорошо.

— Я тебе платье привезла.

— Зачем? Я же сказала — оставь себе. Мне оно всё равно не по фигуре.

— Не хочу, чтобы Руслан увидел.

— Он теперь в твоём шкафу роется?

— Не знаю. От него можно всё, что угодно ждать.

Я взяла вино и сделала маленький глоток. Оно оказалось ещё холоднее, чем я думала, и пахло летом. Как будто солнце, свежую траву и цветы смешали в бокале. Посмотрела на детей. Платон сидел напротив телевизора, но мультик не смотрел, а пытался починить машинку.

— Надо ему такую же купить.

— Зачем? Сам разгрохал, пусть живёт без машинки. — Стася тоже повернулась к детям. Потом обратно ко мне. — Ты слишком его балуешь, Аль, уж прости. Сама не понимаешь?

— Да всё я понимаю, — отозвалась я со вздохом. — Просто я... Я боюсь, что он станет похожим на Руслана. Он часто проводит с ним время, и я боюсь, что Руслан станет для него авторитетом. Это сложно объяснить.

— Не особо сложно. Я более или менее поняла.

К Платону подошла Мила. Взяла машинку и тоже попробовала приставить деталь. Мы с Настей какое-то время молчали.

— Как всё прошло? — спросила она.

Я ждала этого вопроса с самого начала.

— Нормально. Он повёл меня в музей советских игровых автоматов.

— Ого! Парень-то с фантазией. А дальше что, Аль? Вы уже договорились, когда встретитесь?

— Да ничего дальше. Что может быть дальше? Он — мальчишка. Задиристый, наглый, богатый мажорик.

— Ну да... А ещё он дико сексуальный красавчик. И голос у него такой, что он говорит, а внутри горячо, как будто тебе шикарный куннилингус делают.

Я подавилась вином. Щёки загорелись, я сама почувствовала.

— Ты с ним только один раз разговаривала. И в тот момент отшила его. Какой тебе куннилингус?

Стася закатила глаза.

Квартира у неё была маленькая, двухкомнатная, с невысокими потолками и кухней-гостиной, вызывающей ассоциации с теплом. Всё здесь было сделано под неё: каждый шкафчик, каждая мелочь. Маленький бар, полочка для специй, подставка для бокалов и рядком стоящие ароматические свечи, которые она зажигала под настроение. Словно прочитав мысли, Настя взяла одну, сходила за длинными спичками и по очереди подожгла три фитиля. Почти сразу запахло домашним хлебом, тыквой и немного — корицей. По окну стучал дождь.

— Тебе с ним интересно? — спросила она.

— Не знаю. Он просто... Ему двадцать пять. Насть, двадцать пять.

— И что?

— Да ничего! У меня двое детей, муж — тиран, куча проблем и комплексов. А он просто мальчик, который прилип к жопе, как банный лист.

— У тебя вполне приличная жопа. Странно, что к ней раньше никто не прилип.

— С тобой невозможно разговаривать. — Я глотнула вино, и опять оказалась в лете, только теперь ещё с тёплым запахом от свечи.

— Вы целовались?

Я замешкалась. Повернулась к детям.

— Целовались, — констатировала Настя.

— Это ничего не значит.

— И как тебе?

— Сказала же, это ничего не значит. Просто поцелуй, который ни к чему не обязывает. Он застал меня врасплох, вот и всё.

— Это вот к чему было? Я спросила, как тебе поцелуй, а ты начала оправдываться. Зачем? Я тебя разве осуждаю? А поцелуй тебе понравился, можешь и не отвечать.

— Это бессмысленно. Всё равно ничего не будет. Амир... Я просто забылась, Насть. У меня так давно не было ничего интересного, ничего такого, что вызывает яркие эмоции. Дети — это другое. А тут...

— Ты почувствовала себя девочкой.

Взгляд остановился на огоньках свечи. Я держала холодный бокал обеими ладонями. Да, я почувствовала себя девчонкой. Девчонкой, которую целуют без спроса, которой преграждают дорогу и ещё Бог знает что. Огни свечи играли на камнях кольца, и оно переливалось. Красиво, зачаровывающе.

— Если Руслан узнает, он меня убьёт.

— Конечно, это только ему можно девок по ресторанам таскать! — с яростью выговорила она.

Поставила бокал, сходила к холодильнику и принесла пару яблок и сыр. Разрезала яблоки на дольки. Они хрустели, нож был большим, а Настя резала так порывисто, что казалось, она не яблоко режет, а моего мужа. Пока вино остывало, я показала ей присланные Амиром фотографии. Для неё измена Руслана тоже не была шокирующим откровением — что он изменяет мне, она знала. Зато масло в огонь её нелюбви это подлило.

— Ешь, — она поставила тарелку на центр стола. — Руслан — мразь. Если он тебе изменяет, ты...

— Ну что я?! Что я?! У него деньги, власть, положение, сила. А у меня что?! Мать, которая считает, что я шикарно живу, и обручальное кольцо вместо ошейника?! Да, ему можно всё, мне — нет.

Я замолчала и отставила вино подальше, за штору. К нам подошла Милана.

— Мы хотим мороженое. Можно, пожалуйста.

— Пойдём.

Я подвела её к холодильнику и достала большой сахарный рожок. Платон тоже подбежал, я выдала такой же и ему. Настя подвинула свечу к себе и грела пальцы над огнём, а на улице вовсю сверкало. Было красиво. Угрожающе красиво. Так же опасно, как и то, во что я пыталась не ввязаться.

— У тебя только одна жизнь, — Настя на меня не смотрела. — Хочешь её так и прожить, ничего не чувствуя? — Подняла взгляд. — Он же тебя зацепил? Твой Амир?

— Он попросил называть его моим принцем, — сказала я зачем-то и поймала себя на том, что глупо улыбаюсь.

— Мой принц, — Стася засмеялась. — М-м... С самооценкой у него всё в порядке.

— Более чем.

Подруга перестала улыбаться. Подняла бокал.

— За тебя, Аль. Я хочу, чтобы ты была счастлива. По-настоящему счастлива.

— Я тоже этого хочу, — призналась я.

Амир сейчас где-то. Может, даёт концерт со своими музыкантами? Может, пишет музыку? Или пьёт кофе? Звук его голоса преследовал меня. Я закрывала глаза и слышала его тихий смех, чувствовала поцелуи. Это было как наваждение, как болезнь, от которой я, к собственному стыду и ужасу, не хотела лечиться. Но боялась признаться в этом даже Насте.

— Он хочет третьего ребёнка, — сказала я очень тихо. — Руслан.

Она впилась в меня взглядом.

— А ты?

— А что я? Если это случится, моя жизнь окончательно превратится в кошмар. Мне повезло — он уехал, когда были нужные дни. Но это в этом месяце. А что дальше, я не знаю.

Она глубоко вдохнула. У Насти всегда хорошо работала голова, но сейчас даже она ничего не могла предложить, потому что было просто нечего.

— Я думаю об операции. Такие же делают... ну, чтобы женщина больше не могла родить.

— Ты умом тронулась?! Из-за этого мудака себя уродовать?! Да я бы его...

— Ничего бы ты с ним не сделала. Ни ты, ни я, ни кто-то ещё. Я так хочу от него уйти. Ты бы только знала...

У телевизора зашуршали фантики. Бокал был пуст, но я всё равно убрала его подальше. Милана подошла с серьёзным видом.

— Мам, я хочу кое-что спросить. Мы можем остаться у тёти Насти?

— Мы и так у тёти Насти. На сколько ты хочешь остаться?

— Ну... хотя бы на ночь. У тёти Насти хорошо.

— Дома тоже хорошо, — возразил Платон. — Когда папа приедет, мы будем играть в мяч. И он обещал мне купить новые качели.

— Нет, на ночь мы не останемся. А пока можете играть и смотреть мультики. Дайте мы с тётёй Настей поговорим.

Они пошли обратно.

— А я тебе говорила, — услышала я голос Милы. — Ты ещё с этими качелями...

Мы с подругой смотрели друг на друга. Она показала мне на бокал. Налила вина.

— Есть много способов контрацепции. Я поговорю со своей знакомой — она гинеколог в крутой клинике. Безвыходных ситуаций не бывает.

Она приподняла бокал.

— Ещё раз за тебя. И за то, чтобы все мудаки отправились к чертям собачьим.

— Мне уже жалко этих чертей, — вяло улыбнулась я.

В мыслях был Амир. Его тёмные глаза, его ямочка на щеке. Могу ли я ещё быть счастлива? Не как мама, а просто счастлива?

Дождь стучал по крыше машины. Милана смотрела мультики, Платон задремал. От луж асфальт блестел. Я достала телефон. Пальцы онемели, сердце подпрыгнуло к горлу.

«Привет. Как дела?» — написала я с чувством, что только что добровольно сорвалась в омут.

Амир

Ван закончил барабанное соло и поднял барабанную палочку.

— Теперь всё.

— Красавчик, — Ник пару раз хлопнул в ладоши. — Рок-стар, бля.

— Все фанатки будут мои. — Ван ударил по тарелке. — Опа! Поняли?

— Разочарую тебя. Фанатки вешаются на солиста, даже если он ростом с той пуделя и страшный, как моя восьмидесятипятилетняя бабка, когда пытается хорохориться и делает себе на физиономию маску.

Дима взял из холодильника упаковку коки и кинул каждому по банке.

— Твоя бабка делает маски? — Ван продавил ключ. — Хорош-о-о. Каайф.

— Бывает. По-моему, ей кажется, что она всё ещё девчонка. Хотя, порой мне тоже так кажется. У меня после её грядок всё нахрен отваливается, а она ничего такая.

Все заржали.

— Так, парни, — оборвал я веселье. — У меня объява.

— Давай, — Ник сел на диван.

— Через неделю у нас концерт в «Бум-буме». Я договорился с директором, всё на мази.

Тишина воцарилась, как в морге. Если бы пролетел комар, было бы слышно. Никто из парней обрадованным не выглядел.

Первым заговорил Димон.

— А ничего, что мы сырые?

— Пока не выйдем на сцену, не поймём, где надо подтягивать.

— С чем нам выходить? У нас две песни и те разобраны. Какой концерт?! Чтобы выйти на сцену, нам нужно пахать ещё месяца три.

— Это не какой-то охеренный клуб, а «Бум-бум». Для его сцены нашего уровня достаточно.

— Не достаточно, — гневно бросил Ван.

Пошёл ко мне, но остановился посередине между мной и парнями. Напряжение сгустилось за секунду.

— Прежде чем о чём-то договариваться, нужно это обсуждать. У меня на следующей неделе завал. Максимум что я смогу — пару раз выбраться на репу часа на два. А ты, мать твою, с кем-то договариваешься о концерте! Если ты это затеял, не значит, что решать всё ты тоже можешь в одиночку, Амир.

— Хочешь свалить?

— А ты хочешь, чтобы я свалил?

— Нет.

Напряжение нарастало. Парни не лезли, но я чувствовал, что они не на моей стороне. После встречи с Алей я думал только о том, как снова с ней увидеться. Мне нужен был концерт. Чем скорее, тем лучше. Мне нужен был этот чёртов концерт!

— Отменяй всё, — Ван тоже поднялся. — У нас ни материала, ни нормального уровня.

— Мы можем сыграть пару каверов, — предложил я. — Есть то, что мы уже пробовали. Возьмём для начала. Пока мы в пределах базы, мы — самодеятельность.

— Мы и есть самодеятельность, — ответил Дима. — Или у нас что, инвестор есть? Может, нас проталкивает продюсерский центр? Что у нас есть, кроме голого энтузиазма?

— У нас есть база, инструменты, крутая музыка. Всё остальное тоже будет, если не прятать голову в песок.

Дима скептически усмехнулся.

Я стиснул зубы.

— Я вам заплачу. Каждому. Но на сцену мы выйдем.

— Иди к дьяволу, — процедил Ник, поставил коку на пустую коробку и вышел. Димон и Ван посмотрели ему вслед.

— Он прав, — нарушил вновь образовавшуюся тишину Ван. — Если мы группа, решения должны приниматься всеми. Если ты хочешь, чтобы всё было по-твоему, тебе стоило не нас собирать, а нанять музыкантов.

— Мы сыграем этот концерт, — сказал я жёстко. — Или вы трусили? Бойтесь облажаться? Надо рисковать, мужики. Надо. Тогда всё будет: и стадионы, и фанатки.

Мой телефон запиликал на колонке. Дисплей засветился. Ван и Димон молчали. Димон подал его.

На экране висело уведомление о сообщении в мессенджере. Отправитель «училка».

«Привет! Как дела?»

Я сглотнул. Натянутые нервы ошпарило и скрутило.

— Хорошо, — сказал Димон. — Мы сыграем концерт. Только поговори с Никитосом. Иначе тебе реально придётся искать нового барабанщика.

Я поднял взгляд.

— Ты нормально? — спросил Ван. — Кто написал? Взгляд у тебя бешеный.

Бешеный? Ван ещё не знал, что было у меня внутри. Я хотел её. Засыпал, представляя её в ванной, и просыпался со стояком и чётким желанием — хочу именно её. Хочу и получу.

Глава 12

Амир

— Мне нужно идти. Пора укладывать Платона, а Милана просила молока. Спокойной ночи, Амир. Ты, наверное, ещё будешь творить? Если да, то вдохновения.

Я три раза переслушал её последнее сообщение. До этого мы почти два часа переписывались текстом, но доброй ночи пожелать она мне решила голосом.

Доброй, сука, ночи! Каждая нота её голоса была как разряд. Я ловил интонацию и видел, как шевелятся её губы. Пепельница была полная, к сложенным стопкой Илюхиной сестрёнкой листам прибавилось ещё несколько.

— Спокойной ночи, Аля. Желаю, чтобы тебе приснилось что-нибудь волшебное. Или кто-то. Как насчёт твоего принца?

Я отправил голосовушку. Переслушал. Сойдёт. Что в России, что в Штатах, у девчонок трусики становились мокрыми, когда я это проворачивал. В общем, особо проворачивать было и не надо — спасибо родителям, хоть что-то хорошее мне от них да перепало.

Я закурил. В тарелке, служащей пепельницей, лежала гора окурков. Телефон молчал. Она должна написать ещё что-то.

Но ни через пять, ни через десять минут, ни через полчаса она не написала.

— А ты крепкий орешек, училка. Так даже интереснее.

Квартира провоняла дымом. Башка переставала работать, а это в мои планы не входило. Я раздвинул створки окна, сделал кофе. Хотелось жрать, но в холодильнике было шаром покати. Пришлось ограничиться батончиком.

— Не облажаемся, — процедил я и взял исписанные листы.

Несколько отложил сразу, остальные оставил.

«Когда зайдёт за солнце луна

Тень от ресниц ляжет на мою кожу

Ты придёшь ко мне сама

Ты проиграешь войну, ты не сможешь»...

Тачки Илюхи, Димы и Вана стояли у базы. Я припарковался рядом. С Ником мы вчера всё перетёрли, хоть он и не был настроен на разговор. Я не извинялся — выложил, как есть. Мы делаем. Делаем, блядь, а не прячемся.

Парни заткнулись, увидев меня.

— Выглядишь, как чёрт, — сказал Дима.

— Ты что ночью делал? — Ник присел на круглый, похожий на стул для фортепиано, табурет, доставшийся нам вместе с базой.

Я кинул на коробку листы. Обвёл парней взглядом.

— Это материал. С партиями, связками, крючками и переходами. Этого хватит на первый концерт, материал для альбома тоже есть. Без «б». Работаем. Я не хочу слышать, что мы облажаемся. Никогда, ни от одного из вас. Мы друзья. Но если кто-то в себе не уверен, лучше уйти сейчас.

Как вчера, повисла тишина. Я смотрел на парней, они — на меня.

— Чего ждём? — Ник взял бас-гитару за гриф. — Погнали.

Димон занял место за клавишами, Ван сел за барабаны, Илюха остался на диване. Я взял свою гитару и накинул ремень с вышитыми коронами. Взял первый аккорд — эта песня была уже готова, но надо было размяться прежде, чем идти дальше. Через неделю концерт. И она будет там.

Аля

— Я обещал пригласить тебя на наш концерт. В субботу в кафе-баре «Бум-бум». Это на Сухаревской. Начало в восемь. Там, кстати, классная кухня. Потом можем поужинать. Как только я встречусь с тобой взглядом, песни будут для тебя. Только для тебя, Аля. Да... — он сделал паузу. — Не красься. Мне нравится, что ты такая красивая сама по себе. Сейчас одни маски — куда ни посмотришь — маски. Знаешь, чем ты меня зацепила? Ты без маски.

Я переслушала его сообщение уже, должно быть, в десятый раз. От его голоса у меня мурашки бежали. Он не говорил ничего такого, а живот сводило сладким спазмом. Как он это делал со мной, я не знала.

Руслан зашёл в комнату.

— Что ты сидишь?

— А что мне делать?

— Рубашка готова?

— Да.

Его рубашки должна была гладить я. У нас работала няня, две горничных и повар, но его вещи должна была гладить я! Я поднялась, открыла шкаф и вытащила одну из рубашек, висящих на плечиках.

— Тебе белую?

Он посмотрел так, словно я ему собачью какашку протягивала.

— Другую.

Я достала другую, хотя отличий в них не видела.

Он взял. Снял халат и стал одеваться. Я отвернулась. Руслан всегда был в отличной форме, только смотреть на него не хотелось. Все дни ладони обжигали прикосновения к Амиру. Я готова была снова и снова вытирать кофе с его футболки, хоть это и напоминало бред. Что это? Влечение? Ну не влюбилась же я в мальчика!

Я достала чистые брюки с выглаженными стрелками и подала Руслану, как делала день за днём.

— Сегодня суббота. Ты куда-то едешь? Или опять командировка?

— А тебе хочется, чтобы я поехал в командировку?

— Просто спросила.

Он забрал брюки и надел. Его волосатые ноги вдруг показались мне особенно отвратительными. Я не хотела видеть его, но уйти не могла.

— Ремень дай.

Я дала. Кожаный, сделанный на заказ, с выбитой на нём молитвой. Он часто его носил, хотя мы никогда не отмечали православные праздники.

— Я вернусь вечером.

— Во сколько?

— Во сколько закончу дела.

Я догадывалась, что у него за дела. Но моя роль — подавать ему ремень с молитвой и молчать.

Он закончил с ремнём. Подошёл ко мне и взял пальцами за подбородок.

— Мне жаль, что в этот раз я пропустил важные дни. В следующем месяце спланирую график так, чтобы быть рядом с тобой, когда надо.

Внутри клокотало. Но я стояла молча, мысленно отсчитывая секунды.

— Подумай, Аля, как ты хочешь назвать нашего второго сына. Мне нравится имя Сергей. В честь моего отца. Сергей Русланович звучит благородно.

Я не выдержала и отвернулась.

Тогда он схватил меня за локоть. Посмотрел в глаза и прижался ко рту губами. Его язык проник внутрь. Подавить рвотный позыв было ещё труднее, чем раньше. Но я старалась подыграть, как делала всегда.

— Ты всё равно подумай. Вдруг мне понравится.

Меня трясло. Бил озноб, отвращение было сильным, как никогда.

— Мы примерно в восемь будем ужинать. Накрывать на тебя?

— Накрывай, — бросил он. — Даже если я не приеду, тебе стоит меня ждать.

Он надел часы. Посмотрел на них. Сам взял галстук, слегка задев меня, проходя мимо. Запах его одеколона усилил тошноту.

— Ой, папа!

Платон остановился в дверях. На нём была футболка и трусы. На футболке — машина с разьежающимися колёсами и надпись на английском: «Будь парнем».

Руслан потрепал его по голове.

— Может быть, сегодня поужинаю с вами, — сказал он сыну.

— Я в футбол хочу!

— Возможно, завтра.

— Скажи маме, пусть она со мной поиграет.

Он остановился. Повернулся ко мне.

— Поиграй с сыном в футбол.

Я промолчала.

— Слышала?

— Слышала, — ответила через ненависть.

Руслан ушёл.

— Когда мы поиграем? — спросил Платон.

— Не сейчас.

— Но папа сказал, чтобы ты со мной поиграла.

— Я поиграю, но не сейчас, — голос едва не сорвался на крик.

Слёзы обожгли глаза. Я глубоко вдохнула и выдохнула через рот. Настя обещала поговорить со своим врачом, но пока ничего не сказала. Я схватила телефон и написала ей, что жду. Очень. Хотела записать Амиру голосовое, но поняла, что голос сорвётся. Платон потянул меня за кофту.

— Что?

— Я хочу.

— Я тоже хочу. Много чего хочу! И что? Поймай мне золотую рыбку — я хочу, чтобы она выполнила три моих желания.

Сын округлил глаза. Я заставила себя успокоиться.

— Мы поиграем, обещаю. Но не сейчас. Чуть позже.

К нам зашла Милана.

— Папа правда с нами будет ужинать? — спросила она. — Он только что мне сказал.

— Я не знаю, — призналась я. — Если папа так сказал, то это надо спрашивать у папы.

Амир

Генеральным директором «Бум-бума» был мужик старой закалки с интересным прошлым. Впервые я увидел его ещё пацаном, почти десять лет назад. Он знал мою мать, но в последние годы они разорвали контакты. Его седые волосы были заплетены в жидкую косичку, а тёмные глаза смотрели зорко, по-орлиному.

— Вы готовы? — спросил он, зайдя к нам в гримёрку лично.

— Вполне.

— У тебя сорок минут.

— Да, я знаю.

Сорок минут меня устраивали. Для первого выхода на сцену — более чем. Я положил на стол коробку с фиолетовым бантом.

— Это ещё что? — подался вперёд Ван.

— Ничего. Подарок.

— Так ничего или подарок? — Димон тоже подошёл.

— Для вас — ничего, для одного человека — подарок.

— Что за человек?

— Какая разница?

— Если ты готовишь ему подарки — большая, — ответил Ван.

Я не хотел говорить. В мозгах вертелось две вещи — сделать всё, как надо, и Аля. Мы не виделись больше недели, и я чертовски хотел, чтобы она была перед сценой. За ближайшим столиком. Ночью не спалось, всё думал, как это будет. Взяв коробку, я скомандовал парням.

— Выходим. Надо ещё всё проверить.

В «Бум-буме» был свой техник. Нам бы он тоже не помешал, но не было ни финансов, ни толкового парня на примете. Парням говорить не хотелось, только бабки кончались. Аренду базы я тянул, но на прочее надо было напрягаться, потому что счёт так и оставался замороженным.

За столиками сидели люди. Всё, как обычно. Только Али среди них не было. Я положил коробку в дальний угол, проверил примочки, микрофоны.

— Добрый вечер. Мы — группа «Запасной выход». Кстати, название группы родилось именно в этом месте. Оно для нас знаковое. Ну что, готовы? Тогда поехали!

Ван стукнул барабанными палочками, я ударил медиатором по струнам. Её не было. Её, чёрт возьми, не было!

— Кто может сказать, почему наступает ночь?

Если темнота делает нас тенью — мы тени

Ты похожа на меня точь-в-точь

Мы не знали друг друга до недавнего времени.

Мы ходили кривыми ручьями

По дорогам из серого кирпича

Мы наверняка знали, что будет с нами

Но я тебя увидел и закричал.

Моя. Ты не будешь чужой. Клянусь.

Моя, я не остановлюсь.

И когда звёзды разрежут твою одежду,

Ты останешься моей без надежды стать прежней...

Первая песня, вторая... Адреналин бил наотмашь. Было ощущение, что мы и время существуем в разных плоскостях. Я почти касался губами микрофона, но каждое слово повторяло её имя. Только её не было. Её, блядь, не было!

В какой-то момент парни остановились. Я понимал, что звук совсем съехал, но в горле стоял ком. Я взял бутылку воды и сделал несколько глотков.

— Сорри, сейчас поправим.

Своего звукача у нас тоже не было. У нас, блядь, не было ничего. Только дерьмовая куча моих песен о женщине, которая не пришла. Местный звукарь засуетился, когда я по-русски объяснил ему, что звук — говно. Он понял это и без меня, но я был зол, а он заслужил, чтобы его обложили.

— Эй, за столиками! — крикнул я в микрофон, и мой голос разнёсся по углам нескольких залов, из которых состоял «Бум-бум». — Может, подтянетесь сюда?

Несколько человек подгребли к нам. Компания парней и парочка, обжимавшаяся за столиком и продолжившая обжиматься около сцены.

— Ну ок. Так лучше. Следующую песню мы посвящаем отношениям. Сложным и не очень. Кому как повезёт.

Ты забралась под мою кожу
Я думал, что кто-то когда-то сможет
Не ты, другая стерва
Оказалось, ты стала первой.
Я думал, прожгло насквозь — не взять
Ты смогла душу отнять.
Ты белая, я чёрный, но вместе мы просто сошли с ума.
Когда сходишь с ума вокруг — война
И бьются стёкла, бьются сердца, бьётся разум.
Наши имена... Наши имена складываются в фразы.
Ты и я — чёрная вода, чёрная смола...

Как мы закончили, хрен знает. Сердце рвалось, народ, вроде, остался доволен, хотя налажали мы знатно. Мы спели первую песню на бис и свалили. В последний момент я забрал со сцены коробку с сиреневым бантом и ушёл первым. Ярость кипела.

Парни смотрели мне вслед, на бис не звали, кто-то свистнул, только и всего. Зайдя в гримёрку, я позвонил ей. Она не взяла. Я позвонил ещё раз пять, но эта сука не брала! Я швырнул коробку под зеркало.

— Амир...

— Заткнись, — процедил я. — Все заткнитесь! Ничего не хочу слушать!

Официантка принесла пиво и закуски. Я проигнорировал и набрал ещё раз — ничего. Она не писала, не спрашивала, как найти «Бум-бум». Су-ка!

— Эй, — остановил я официантку. — Виски принеси. Бутылку.

— Это не входит в райдер.

— Да срать на райдер! Виски принеси! — достал карточку. — Я заплачу. Тащи.

— Амир, — начал Ван. — Звук, конечно, был дерьмо, да и в целом так себе, но я тебе честно скажу — я думал, будет хуже.

— Нормально получилось, — поддержал Димон. — Для первого раза вполне.

Я посмотрел на них, потом на коробку. Сам не зная зачем, открыл. Розовая ткань была мягкая, как её кожа. Закрыв обратно и посмотрел на отражение.

Футболка была потной насквозь, волосы прилипли ко лбу.

— Ты не пришла, — сказал я и отправил сообщение.

Хотел много чего сказать, но не вышло. «Ты не пришла», блядь. Сиплым низким голосом, от которого у девочек мокли трусики. Но в этот раз и понизать не пришлось.

«Прости», — сообщение от «училка».

Прости?! Блядь, сука, прости?! Официантка зашла с бутылкой и пятью стаканами. Я закурил, глубоко затянулся. В ушах гулом стояло её «прости» и ничего больше. Нет, ещё перед глазами маячила она. И я не мог от неё отделаться. И не хотел.

Глава 13

Амир

Рустам отстегнулся с откровенной неохотой.

— Что вид такой недовольный?

— Не хочу домой.

— Знаешь, что, парень? Ты оборзел. Я обещал, что ты будешь онлайн, когда была важная игра — ты был онлайн. Тебе нужно было попасть за комп сегодня — ты попал. Притормози. Слышал сказку про золотую рыбку?

— Слышал, — буркнул он и вылез из машины.

Я взял сигареты и вышел за ним. После побега Рустама из лагеря кипиш поднялся знатный. Когда я привёз его, на матери лица не было, отец с порога собак спустил. Оказалось, что директор лагеря позвонил им незадолго до того, как Рустам отправил сообщение. Как следует перетрястись они не успели, но и этого хватило.

Кое-как мне удалось убедить мать, что лучше я буду время от времени забирать брата с тренировки, чем такое вот. А что Рустам повторит, я был уверен процентов на девяносто.

На всякий случай я немного проводил Рустама. До дома оставалось метров двадцать.

— Всё, иди. Тут ты не заблудишься.

— Мог не ходить со мной. Я бы сам дошёл.

— Нет уж. Раз я тебя привёз, так привёз.

Я подал ему руку. Он пожал её с уже более радостным видом.

— Можешь в пятницу приехать за мной?

— Опять важная игра?

Он помотал головой.

— Просто так. Мне тут скучно.

— Посмотрим.

Он подошёл к двери, я тоже было развернулся, но из дома вышла мама.

— Подожди, Амир, — окрикнула она и быстро спустилась по ступеням.

Походка у неё была лёгкая, выглядела она безупречно. Даже дома она выглядела безупречно. Появилось раздражение, потому что от этой безупречности всегда несло притворством. Образцово показательная семья, где мама поправляет сыновьям воротники на отглаженных рубашках, отец строит дом, сажает деревья и плодит своё продолжение. Все в восхищении, аплодисменты, браво.

Раздражение я загасил. Смысл?

— Рустам в целости, как видишь.

— Вижу. Но я не о Рустаме хочу с тобой поговорить.

— О чём тогда?

— Несколько дней назад я разговаривала с Соней.

Я хмыкнул и закурил.

— Вы прям подругами заделались.

— Она приезжала вместе с отцом к нам.

— Понятно. И что? Будешь убеждать, что она хорошая, и я должен принести ей свои искренние и глубочайшие извинения? Или сразу её под ручку и в ЗАГС?

— Было бы хорошо.

— Я не...

— Но я хочу поговорить не про Соню, — перебила она. — Скажи честно, ты встречаешься с женой Калашникова?

Я затанулся. Вот оно что. Соня, значит, выложила про встречу у кофейни. Мать не дура, связала узелки и нашла неизвестные в уравнении.

— Жизни будешь учить? Я не ребёнок, сам разберусь, что мне делать.

— Для меня ты всегда ребёнок, — возразила она с лёгкой запальчивостью. — Не лезь на рожон, Амир. Калашников — не тот человек, которому можно перейти дорогу и забыть об этом. У него есть влияние, он жёсткий.

— Влияние... Боишься, что отцу не достанется лакомый кусок земли? А о чём-нибудь, кроме этого, вы думать можете?! Или за какую-то землю будете стелиться?!

— Да при чём тут земля?! — её голос стал напористее, громче. — Речь идёт не о земле! Он жёстко решает проблемы, ты понимаешь?! Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Не случится. На этом закончим.

Я бросил сигарету на траву и пошёл к машине.

— Амир! — крикнула мать.

Догнала меня и дёрнула за руку.

— Оставь её. Она — его жена. Эта женщина не для тебя.

— Давай я сам разберусь, кто для меня, а кто — нет.

Мы смотрели друг другу в глаза. Она так и держала меня. Долго, с минуту или больше. Наконец её пальцы разжались.

— Я прошу тебя. Как мама прошу.

Я не ответил. Дошёл до машины и хлопнул дверью со всей силы. Сорвался с места резко. Ярость кипела. Соня — сука.

Не сбавляя скорости, проверил телефон. И едва не выпустил руль — на экране висело уведомление.

«Привет. У тебя всё в порядке?»

В порядке? Нет, блядь, не в порядке!

Швырнул телефон на соседнее кресло. С какой скоростью было разрешено здесь ехать — не знаю, я ехал быстро. Слишком. Её интересует, всё ли у меня в порядке! Я, чтоб её, вывернулся и организовал долбаный концерт. Для неё. А теперь её волнует, всё ли у меня в порядке! Нихрена не в порядке, потому что она не шла из головы. На базе я отвлекался, но потом всё возвращалось: её глаза, её руки, её улыбка и желание получить её.

Из кустов вылетело что-то чёрное.

— Блядь! — я крутанул руль в сторону. Машину протащило, развернуло. Я смотрел на ствол дерева метрах в двух впереди. В глотке пересохло, сердце выпрыгивало от дикого адреналина. Я повернул голову.

— Проклятая псина.

Собака бежала, как ни в чём не бывало. Сглотнул снова и вдохнул поглубже.

«Да», — ответил училке. И дописал: - «Хочу тебя увидеть»

Сообщения она прочитала сразу. Но не ответила. Мы не переписывались три дня — со дня концерта. Тогда на её «прости» я ничего не написал.

Подождал пару минут и вырулил на дорогу. Посмотрел в зеркало, но псины уже не было. Хорошо, что она осталась цела. И я тоже.

По дороге домой я заехал за колой. Аля так ничего и не ответила. Открыл банку и сделал глоток. Телефон завибрировал.

«Пришли мне какую-нибудь из своих песен. Очень хочу послушать вас»

Нормально. Думает, сольётся?

— Не со мной, детка.

«У тебя была возможность».

«Не было»

У меня была дрянная запись с репетиции. Я пересмотрел её. В общем-то, не такая дрянная.

«Это репа. Черновик»

В ответ — тишина. Смотрит, значит. Я поехал дальше. Надо было снять концерт на видео, чтобы потом разобрать все косяки. Но эта мысль пришла поздно. В любом случае, выступление пошло на пользу, пусть и вышло, мягко говоря, не очень.

Телефон ожил.

«Очень здорово»

«Я хочу тебя увидеть, Аля», — набрал я вместо «спасибо».

Она опять замолчала. Я думал, придётся ждать долго, но сообщение пришло минуты через три.

«Когда?»

«Сейчас», — ответил без раздумий.

«Это невозможно»

«Тогда завтра»

«Это тоже невозможно»

— Какого лешего тогда она спросила «когда»?

— Я знаю точно — невозможное возможно, — сказал сам себе и прибавил скорость. Что там? Рустам просил забрать его в пятницу? Уверен, брат не будет против, если я не только заберу его, но и отвезу.

Пропустить её я не мог. Специально привёз Рустама раньше. Сперва людей было много, сейчас же из раздевалок выходили последние. Я не отводил взгляда от двери раздевалки для девочек. Вышла высокая рыжеволосая женщина, лет которой было явно больше, чем она пыталась показать. Опять пауза. Милана могла заболеть. Мужёнок мог отправить их, допустим, на курорт. Я ещё боролся с желанием зайти в раздевалку, но терпение трещало.

Снова открылась дверь. Длинное, до пят, серое платье, лёгкая кофта, застёгивающаяся на одну пуговицу — серая, с маленькими белыми цветами. Тщательно собранные волосы...

Меня как ударили. Я жадно смотрел на неё и хотел.

Она подняла голову.

— Амир? Ты что тут делаешь?

— Сказал же, что хочу тебя. Я всегда получаю, что хочу, забыла?

Я медленно подошёл. Она инстинктивно отступила и остановилась.

— Кофе, — не вопрос.

— Я не...

— Кофе, Аля, — повторил я тише и настойчивее. — Я не спрашиваю.

Мы вышли порознь. Она первая, потом я. Сразу понял, что она смотрит на машину.

— Только не в ту кофейню, — сказала она, оторвав от неё взгляд. — Не хочу появляться там с тобой снова.

— Муж реально за тобой следит?

— Нет, но... Так будет лучше.

— Без вопросов. Моя машина за углом, иди первая, если боишься, что водитель тебя засечёт.

— Тут пойдёт? — спросил я, припарковываясь.

Ответа не дождался, как и возражений. Мы заняли столик и взяли кофе. Было тепло, но кофту она снимать не стала, а мне чертовски хотелось, чтобы она просто пуговицу расстегнула.

— Почему ты не пришла?

— Я уже написала — не смогла. И извинилась.

— Я ждал тебя.

— Разве я тебе давала повод меня ждать?

— Да.

— Не помню такого.

— Достаточно, что помню я. — Я достал коробку. — Это тебе.

Она спрятала руки под столик.

— Не нужно, Амир. Давай без подарков.

— Нужно. Ты продинамила меня с концертом, возьми подарок. Извинения без этого не принимаются.

Аля вздохнула. Сомневалась, но в конечном итоге коробку взяла.

— Что там?

— Открой и посмотри.

Она открыла. Но доставать платье не стала, только провела рукой по ткани.

— Пообещай, что наденешь его на следующий концерт.

— Я не знаю, приду на твой следующий концерт или нет.

— Придёшь.

Она положила ладонь на стол. Я воспользовался моментом и накрыл её своей ладонью.

Сжал.

— Пообещай мне, Аля.

— Я не могу обещать то, что, возможно, не смогу выполнить.

— Пообещай, — сжал сильнее. — Прямо сейчас. Пообещай, что придёшь.

Её взгляд заметался. Чашка, окно, соседний столик — она смотрела куда угодно, но не на меня. В конечном итоге ей пришлось встретиться со мной взглядом. Губы её шевельнулись.

— Я постараюсь.

— Пообещай, что придёшь.

— Хорошо. Я обещаю. Обещаю, Амир.

Я выпустил её, и она схватила чашку. Отпила кофе. В её дурацкой причёске был один плюс — она открывала шею. Я представил, как целую её, как покусываю кожу. Как на ней остаются засосы...

— Я на минутку отойду, — сказала она и встала. Прошла через зал и свернула. Только что она была тут — и как растаяла. Осталась только чашка, к которой она прикоснулась, и бомбящие мысли о ней. Я сорвался с места. Аля только приоткрыла дверь, но увидела меня. Ничего не говоря, я толкнул её в туалет и прижал к стене. От неё пахло кофе и карамелью. Я целовал её с неистовостью, какой не испытывал никогда. Глубоко и жадно, но было мало. Яйца разрывались, в ушах шумело. Обезумевшим взглядом я посмотрел на неё, расстегнул пуговицу на её кофте. Её руки были вытянуты вдоль тела и прижаты к спине.

— Вот чёрт, — просипел я и поцеловал её в шею.

— Только без следов, — взмолилась она и застонала.

Я зарычал. Без следов?! Хрен с ней, пока без следов. Обхватил через платье грудь и прикусил сосок. Аля вскрикнула — коротко и громко.

Разряд по нервам. Лизнул шею и поцеловал снова. И снова глубоко. Чтобы знала, что у неё нет выбора.

— Алька...

— Хватит, Амир, — попросила она. — Нельзя... Пожалуйста, остановись.

Она меня просит? Меня, мать её?!

Я коснулся её живота, опустил руку ниже. Она вцепилась в моё запястье. Я погладил её между ног. Проклятое платье мешало почувствовать её. В её глазах была мольба. Но зрачки выдавали.

— Я жду тебя, — прохрипел я. — У нас ещё есть время допить кофе. Не забудь запереть дверь.

Вышел в зал. Мне нужен был ледяной душ. Нет, не помог бы — помогло бы только одно: вернуться в сортир и нагнуть училку. Только я знал — рано. И не так.

Глава 14

Амир

Высыпавшие из класса дети едва не сбили меня с ног. Напоминали они скорее толпу вышедших на тропу войны индейцев, чем будущее нации, которому предстояло покорять мировые площадки. Я едва увернулся от парнишки, летевшего со скоростью бомбардировщика.

— Так, аккуратнее.

Он меня не заметил. Я мысленно поблагодарил отца и мать, что они не родили Рустама на пару лет позже. Его группа смирностью тоже не отличалась, но плюсы были: они не выбежали из класса, а вышли.

— Я тебя тут жду, — сказал брату.

— Ага. Как насчёт пиццы?

— Будет тебе пицца.

Холл быстро опустел, но из раздевалки слышались и шум, и визг.

Я ждал не брата — Алю. Она пошла переодевать дочь и не обернулась на меня. Минуты три я был предоставлен своим мыслям. План А — прямая атака, план В — тактический подход. С ней разумнее симбиоз и ещё что-то вроде плана С, но его у меня не было.

Холл снова ожил, но Аля была не из тех, кто торопится. Я дождался её всё равно. Она замедлила шаг, поравнявшись.

— Мам, ну пойдём, — дёрнула её дочь за руку.

— Ай, Мила, — поморщилась Аля. — Я же просила тебя не тянуть меня за эту руку.

— Прости, мамочка, — мелочь отпустила её.

— Что с рукой?

— Ударилась утром о стол. Болит теперь.

Я взял её ладонь и задрал рукав кофты. От запястья вверх разливался здоровенный синяк.

— Не хило ты ударилась. Почему лёд не приложила?

— Да что-то... не знаю. Замоталась.

— Приедешь домой — приложи.

— Хорошо.

Её глаза, губы, глаза... Внутри скакали пружинки. Чтобы взять её и прижать, достаточно было одного движения. Она это знала. И я знал.

Милана разглядывала меня.

— Мам, кто это?

— Брат одного мальчика. Он занимается в группе постарше. Всего доброго вам, вашему брату успехов.

Я хмыкнул. Она серьёзно? Конспирация в деле? Не дождавшись ответа, она повела дочь к выходу. Рустам на ходу застёгивал рубашку — до блевоты приличную, видимо, подобранную матерью.

— Я готов.

— Я тоже. — Поддел воротник. — Давай купим тебе футболку? В этом ты похож на отличника.

— Ненавижу всё, что выбирает мама, — сказал он с унынием. — Я всё выкину.

— Выкини. Только если что, я об этом не в курсах. Договорились?

— Договорились. Амир, это же твоя девушка была? Она сюда дочку водит?

— Да. Только ты об этом тоже не знаешь, договорились?

— Договорились, — улыбнулся Рустам, и мы пожали друг другу руки.

Аля

Милана забралась в машину с энтузиазмом и пристегнулась. Мы только недавно стали ездить без кресла. Восторг, что она теперь совсем большая, не прошёл. Меня это всегда смешило, я не могла скрыть улыбку. Но сегодня мысли унесли далеко.

— Можно ехать? — спросил Андрей, когда я закрыла дверцу.

— Да. Ты же готова? — спросила у дочери.

— Да. Вот, я пристегнулась.

— Ты умница. Правильно, надо всегда пристёгиваться.

— Я пристёгиваюсь. Даже у дядь в такси.

— В такси тоже надо пристёгиваться, молодец.

Она просияла, довольная собой. Посмотрев на вход в студию, я увидела Амира и Рустама. Амир смотрел на нашу машину. Внутри всё натянулось. Я приказывала себе отвернуться, только сигнал от мозга не доходил. Мила что-то напевала, судя по ритму — мелодию, под которую занималась. Его поцелуй оставил ожог на душе. Я никогда не чувствовала такого. Даже с Русланом, когда думала, что влюбилась. Это было другое — он целовал, а я не могла отказать. И если бы сегодня он захотел большего, я бы подчинилась — не сдалась, а подчинилась.

— Аля Викторовна. — Я поймала взгляд Андрея в зеркале. — Пожалуйста, будьте осторожны и предусмотрительны. Прошу вас.

За секунду подкатили слёзы. Но они остались внутри. Я отвернулась к окну, ничего не сказав. Андрей работал у Руслана уже несколько лет и большую часть времени возил меня. А теперь он мог разрушить мою жизнь. Стоило ему что-то сказать, и всё — конец.

В понедельник я поехала в офис благотворительного фонда. Фонд был маленький, без громких дел и сотрудничества с маркетплейсами. Одна из наших крупных акций помогла собрать вещи для трёх домов малюток через сеть детских магазинов. Нужно было разобрать пожертвованные вещи и упаковать в коробки. Руслан моё участие в этом не то чтобы поощрял. Но жена, занимающаяся благотворительностью, его устраивала — масштабы тут были не важны. Достаточно было ответа на вопрос: «Чем занимается ваша жена?».

Я разобрала уже, наверное, пятый ящик. Вещей оказалось неожиданно много. Достала платье для девочки — простое, хлопковое. Юбка была зелёная, а верх в бело-зелёную полоску с морской тематикой.

— Что у тебя с моим сыном?

Я развернулась на месте. Марьям смотрела на меня спокойно, сдержанно. Я не почувствовала, как пальцы разжались — почувствовала, как упало платье.

— Ничего, — ответила быстро.

— Вот и хорошо, что ничего. Пусть так и будет. Амиру нужна другая женщина. Ты для него слишком взрослая и слишком сложная. Я хочу для своего сына счастья, а ты... Ты хорошая девочка, Аля, но живи своей жизнью и не втягивай в неё Амира, пожалуйста.

Она была немного ниже меня, но казалась мне выше. Всегда уравновешенная и спокойная. Если бы на нас скинули ядерную бомбу, она всё равно осталась бы спокойной. Я её всегда немного боялась, но после этих слов в душе всё закипело.

Счастья?! А я приношу одни несчастья, получается?!

Она посмотрела на платье у меня в ногах, но ничего больше не сказала. Взяла скотч и заклеила коробку. Она не гнушалась работы, была наравне со всеми, но... Я всегда цеплялась за это «но».

Из офиса я вышла раньше, чем собиралась. Написала Насте. Мы с ней договорились встретиться вечером и посидеть в кафе.

«Я уже тут. Освободилась раньше», — ответила она.

Андрея не было. Вместо встречи с подругой я думала, что могла бы встретиться с Амиром. Он мог бы ждать меня в кафе, мы могли бы выпить кофе. Он заполнил меня — мысли, сознание. Это походило на прогрессирующую болезнь.

Я брела вдоль улицы, ища среди машин его аквамариновый БМВ, хотя и знала, что не найду. Телефон лежал в кармане — близко, на случай, если он напишет. Чтобы не пропустить.

Мне тридцать пять. Я слишком старая и слишком сложная для её сына. И я не смогу сделать его счастливым.

Внутренний протест повышал градус. Я не смогу сделать его счастливым! Ему нужна девочка — припевочка, звонкая, как колокольчик, не обременённая браком и пустоголовая, чтобы можно было её приручить, как когда-то меня приручил Руслан. Да, именно так! А я — использованный материал.

— Рассказывай, — потребовала Настя, едва посмотрев на меня.

Я села за столик. Убедилась, что Милана в детской комнате. Там был маленький бассейн с шариками, лестницы и горки. И ещё две девочки, мамы которых не обращали на нас внимания.

— Опять Руслан? — спросила она, не скрывая недовольства.

— Кофе заказала?

— Нет. Но ты от ответа не уходи. Эй, — щёлкнула пальцами мальчику в форме. Ему было, наверное, лет двадцать. — Нам с подругой два кофе. Капучино с ореховым сиропом. Только смотри, чтобы было вкусно.

Я завидовала Стаське. Мы были одного возраста, вместе учились в медицинском колледже и вместе получили дипломы. Только она жила одна, работала в частной клинике, никогда не хотела получить высшее образование, но при этом постоянно посещала курсы повышения квалификации. Она шла вверх — медленно, но уверенно, встречалась с мужчинами и расставилась с ними, не отрицая, что, возможно, когда-нибудь встретит того самого. Она делала ремонт и ненавидела бригаду, которая его делала, напивалась на турецких курортах и проклинала себя за это, покупала абонемент в спортзал, который пропадал после одного-двух посещений. Она не хотела кошку, не хотела собаку, потому что в открытую признавалась, что ей лень грести лоток или ходить на прогулку по два раза в день. Она была обычной тридцатипятилетней женщиной, не хватающей с неба звёзд и до сипа подпевала Андрею Губину. Но у неё было всё, а у меня — ничего.

Пока кофе несли, я пересказала ей сцену в офисе. Без утайки и слишком, наверное, эмоционально.

— Ой, ты, батюшки. Прямо сыночка-корзиночка, — всплеснула руками Настя. — Её сыночек вырос давно, а она оберегает его, как трёхлетку, который промахивается мимо горшка.

— В чём-то она права, — признала я, отпивая капучино. Слишком приторный для моего настроения, пусть и вкусный.

— В чём? Если мы об одном и том же Амуре говорим, разумеется. Если мы о том крутом парне из клуба, я бы подарила ему пачку презервативов и использовала их вместе с ним.

Я посмотрела выразительно.

— Если серьёзно, Аль, ты всегда о других думала. Подумай о себе, а? Чего ты хочешь на самом деле. Жизнь одна, и она идёт только вперёд. Машину времени не придумали ни десять лет назад, ни сейчас. Я уверена, что и в ближайшие сотню лет не придумают.

— Технологии идут вперёд, — отозвалась я с неожиданной для себя усталостью и скептицизмом.

— Ну да. Искусственный интеллект подменяет писателей, художников, музыкантов... Мне тут фотограф, у которого делала фотосессию, фотки прислал.

Неунимающиеся черты в Настькиных глазах дали о себе знать.

— Мальчик, — позвала она. Официант подошёл.

— Я просила бомбу, а не вот это, — показала на чашку. — Бомба — это не значит тройная порция сиропа. Объясни это вашему бариста. И пусть сделает то, что заказано, а не «заклейся жопа».

Официант смутился. Если бы Настька оказалась на моём месте, она бы не растерялась. А я... и кофе-то перепутала с настроением.

— Да, простите, — промямлил официант и унёс чашки.

Стася горестно вздохнула. Кофе только и мог ей настроение испортить, потому что людей она посылала. Конкретно, жёстко и надолго.

— Он тебя выбрал, — сказала она. — Тебя. Со всеми твоими заморочками и заборами из колючей проволоки.

— Он ничего не знает.

— Ну конечно, мужик в двадцать пять тупее топора! Ты серьёзно? Нет, ты серьёзно о нём так думаешь?

Я так не думала. При всех недостатках Амира он был умным, я знала.

— Он мальчишка.

— Он — мужик, который не один десяток баб перетрахал. У него на фейсе написано, что он держит жизнь в своих руках.

— Ты прямо так и прочитала всё в тёмном клубе за минуту.

— Представь себе. Мужика сразу видно. Не решай за него, Аль. Он хочет тебя, и это его решение.

— Он ничего не знает...

— Так расскажи! — она повысила голос. — Хотя я уверена, что он всё понял. Знаешь, в чём проблема женщин? В том, что они с чего-то решили, что у мужчин вместо мозга член. Спешу тебя разочаровать — это заблуждение. Вместо мозга у них мозг. Половая принадлежность тут не работает. Этот парень... Амир, хочет тебя. Если мужик хочет — получит. Если мужик ждёт — значит, он больше, чем хочет.

— Ты думаешь?

— Да.

Я молчала. Официант, извиняясь и бормоча, что неправильно понял, что теперь всё ок, что бариста тоже неправильно понял и ещё целую кучу всего, заменил мой невыносимо сладкий кофе. Новый пах по-другому. Дерзко и опасно. Как ветер, который рвёт старые простыни во дворе разваливающегося дома. Как ветер, поднимающий волны. Как мужчина, который не даёт пройти, преграждая путь одной рукой. И ты, как будто, можешь пройти, но не делаешь и шага.

— Я не знаю, — сказала тихо.

— Всё ты знаешь. Самой не надоело? Может, хватит быть жертвой? Ну сколько ещё, Аль? Год, десять? Хватит жить чужими жизнями, хватит бояться осуждения.

— Я не боюсь. Меня и осуждать-то некому.

— Вот именно.

Мы встретились взглядами. Я отпила кофе — он пах бергамотом и его поцелуями. Нет, на самом деле это был просто кофе с лёгким ароматом ванили и едва сладкий. Но... он пах его поцелуями.

— Он мужик. От него тестостероном прёт, — сказала Стася. — Дело за тобой. Если бы это был парень — трахнул бы тебя и поставил флажок. У них это легко. Или что-то было?

Я замотала головой. От взгляда подруги хотелось отвернуться.

— Дура будешь, если профукаешь, — сказала она как-то измождённо. — Кстати, отличный кофе. Вот могут же, когда умеют. Ну почему вечно на всех надо собак спускать.

Из кафе я вышла сама не своя. Голова была пустая. Я попрощалась с Настей и села в машину. За рулём был Андрей.

— Домой? — спросил он.

— Конечно, куда же ещё?

Он кивнул.

Милана заливалась, как хорошо играла с новыми подругами. Руслан никого не разрешал приводить в гости, а нас отпускал редко — когда его не было. У меня уже уравнилось: его нет — свобода.

— Сегодня был хороший день, — совсем по-взрослому объявила дочь.

— Да, — ответила я.

«Скажи, когда у тебя концерт. Я постараюсь прийти», — написала и отправила.

Сердце пропустило удар. Снова. Новый прыжок в бездну.

Вынырну ли?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.